

Влюбленный повеса

Автор:

Джоанна Линдсей

Влюбленный повеса

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа Семейство Мэлори #7

Юная Дэнни, знаменитая лондонская карманница, раз и навсегда поклялась принадлежать лишь тому мужчине, который женится на ней. И напрасно красавец аристократ Джереми Мэлори полагал, что, забрав прелестную воровку с улицы и поселив в своем доме, сможет сделать ее своей любовницей!

Пусть Дэнни сгорит от страсти к Джереми и мечтает отдаться ему и душой и телом – мечта станет явью, только если этот знатный и богатый лорд поведет ее к брачному алтарю...

Джоанна Линдсей

Влюбленный повеса

Johanna Lindsey

A LOVING SCOUNDREL

Печатается с разрешения издательства Atria Books и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Johanna Lindsey, 2004

© Перевод. У.В. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Дождь не смыл вонь и не принес прохлады – жара только усилилась. В тесном переулке громоздились горы мусора: ящики, гниющие отбросы, коробки, битая посуда, всевозможный и никому не нужный хлам. Женщина с ребенком спряталась, заползла в большой ящик на краю кучи и затихла. Малышка не знала, зачем они прячутся, но чувствовала, как страшно ее взрослой спутнице.

Этот страх постоянно сквозил в голосе женщины, отражался на ее лице, в дрожи рук, которыми она обнимала ребенка. Он гнал их по ночам из одного переулка в другой, а днем заставлял скрываться от людей.

Женщина велела называть ее мисс Джейн. Девочке это имя было незнакомо. Собственного имени она тоже не знала. Впрочем, женщина звала ее крошкой Дэнни – значит, так и надо.

Однажды Дэнни спросила, кем приходится ей мисс Джейн, и узнала, что та ей не мать, а няня. Что такое няня, Дэнни уточнять не стала: слово показалось ей смутно знакомым. Мисс Джейн была с ней рядом с самого начала, с тех пор как Дэнни помнила себя, то есть вот уже несколько дней. Однажды проснувшись, Дэнни поняла, что лежит рядом с мисс Джейн в каком-то грязном переулке и что обе они перепачканы кровью. С тех пор они скитались по темным и замусоренным улицам и все время от кого-то прятались.

Испачкались они кровью мисс Джейн. Кто-то пырнул ее в грудь ножом и нанес еще несколько ран. Придя в себя, она как-то ухитрилась вытащить из груди нож, но перевязывать раны не стала. Беспокоясь только за маленькую спутницу, она остановила кровь, сочившуюся из затылка Дэнни, и поскорее увела ее подальше от места, где они обе очнулись.

– Почему мы прячемся? – спросила однажды Дэнни, сообразив, что они делают.

– Чтобы он тебя не нашел.

– Кто?

– Не знаю, детка. Сначала мне показалось, что он просто вор, который решил избавиться от свидетелей. Но теперь не знаю, что и думать. Слишком уж настойчиво он разыскивает тебя. Но я уведу тебя в надежное место и спрячу. Больше он тебя не тронет, обещаю.

– А что он со мной сделал? Не помню...

– Память скоро вернется к тебе, крошка Дэнни, не волнуйся, но придется подождать. Слава Богу, родители этого не видят!

Дэнни ничуть не тревожило, что она помнит только, как очнулась в крови. Она была еще слишком мала, чтобы думать о прошлом или будущем. Ее мучило настоящее – голод, холод и слишком крепкий сон мисс Джейн.

Прежде чем уснуть, няня пробормотала, что было бы недурно порыться в соседней куче мусора, где может найтись что-нибудь полезное, но задремала, не договорив. В ящик они заползли среди ночи, и мисс Джейн проспала в нем весь день напролет.

Опять наступила ночь, а она все спала. Дэнни потрясла ее за плечо, но мисс Джейн не шевельнулась. Она стала совсем холодная и неподвижная. Дэнни не понимала, что няня мертва и что в ящике удушливо пахнет смертью.

Наконец Дэнни выбралась из ящика, решив смыть под дождем запекшуюся кровь. Быть грязной ей не нравилось – значит, она привыкла к чистоте и опрятности. Делая такие простые выводы, Дэнни приходила в замешательство, силилась вспомнить, что было с ней раньше, но не могла.

Чтобы чем-нибудь заняться, она стала рыться в мусоре, как собиралась сделать мисс Джейн, хотя и не знала, что искать – слово «полезный» она услышала впервые. В конце концов Дэнни собрала несколько предметов, которые

показались ей интересными: засаленную тряпичную куклу без одной руки, мужскую шляпу, которую нахлобучила на голову, чтобы дождь не заливал глаза, и щербатую, но еще хорошую тарелку. Потом нашлась и пропавшая куклина рука.

Вчера мисс Джейн выменяла на свое кольцо немного еды. Для этого она куда-то уходила днем, прикрыв пятна крови большой шалью.

Дэнни не знала, остались ли у няни еще кольца, за которые дадут еду, а посмотреть не решалась. Но со вчерашнего дня у нее во рту не было ни крошки. Среди мусора попадались и объедки, но Дэнни к ним не притрагивалась – не из осторожности, а потому, что еще не успела настолько отчаяться. К тому же запах гнили вызывал у нее отвращение.

Наверное, она так бы и умерла от голода, забившись в ящик вместе с умершей мисс Джейн и терпеливо дожидаясь, когда та проснется. Но той же ночью Дэнни услышала, что кто-то копошится в мусоре, выбралась из своего укрытия и увидела незнакомую женщину. Женщиной ей показалась девчонка лет двенадцати, но поскольку ростом она была гораздо выше Дэнни, та причислила ее к взрослым.

Поэтому Дэнни обратилась к незнакомке робко и почтительно:

– Добрый вечер, мэм...

От неожиданности девчонка вздрогнула.

– Ты что гуляешь в такой ливень, крошка?

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Чего?

– Так меня зовут – Крошкэдэнни.

Ее собеседница хмыкнула:

– Ну, положим, не совсем так... Ты что, живешь здесь?

– Кажется, нет.

– А мать твоя где?

– У меня ее нет, – пришлось признаться Дэнни.

– А другие? Ну, родичи? На бродяжку ты не похожа. С кем ты живешь?

– С мисс Джейн.

– А, вот оно что, – закивала незнакомка. – А она куда девалась?

Дэнни указала на ящик, и ее собеседница с сомнением нахмурилась, обошла вокруг ящика, наклонилась над ним, присмотрелась и заползла внутрь. Дэнни осталась снаружи – заглядывать в ящик ей больше не хотелось. Внутри пахло противнее, чем от мусора.

Незнакомая девочка вылезла из ящика, тяжело вздохнула и передернулась. Потом наклонилась к Дэнни и слабо улыбнулась:

– Бедняжка... Больше у тебя никого нет?

– Она была со мной, когда я очнулась. Нас обеих кто-то избил. Мисс Джейн сказала, что меня ударили по голове и у меня отшибло память, но потом она вернется. А после мы прятались, чтобы тот человек нас не нашел...

– Что же теперь нам с тобой делать? Возьму-ка я тебя с собой – у нас не дом, просто много детей, есть и старшие. Живем, как умеем. Все мы зарабатываем себе на хлеб, даже такие малыши, как ты. Мальчишки чистят карманы, да и девчонки тоже, пока не подрастут и не начнут заколачивать монету, лежа на спине. Вот и мне скоро придется, если мерзавец Даггер не отстанет...

Последние слова прозвучали с таким отвращением, что Дэнни робко спросила:

– А это плохая работа?

– Хуже некуда, детка, и пикнуть не успеешь, как подхватишь какую-нибудь заразу и сыграешь в ящик. А Даггеру-то что? Ему лишь бы зашибить деньгу...

– Такая работа мне не нужна. Спасибо, я лучше останусь здесь.

– Даже не... – начала незнакомка и вдруг осеклась. – Слушай, что я придумала! Эх, жаль, сама не дотумкала раньше, но откуда же мне было знать? Мне-то уже поздно, а вот тебе в самый раз. Мы скажем им, что ты мальчишка.

– Но я же девочка.

– Само собой, крошка, а мы найдем тебе штаны,отрежем волосы... – Девчонка хихикнула. – Никто ничего и не заметит. Увидят, что на тебе штаны, и примут за мальчишку. Как в игре, понимаешь? Будет смешно, вот увидишь. А подрастешь – сама решишь, чем заняться, и никто тебе не скажет, что раз ты девчонка, у тебя одна дорога. Ну как, годится? Хочешь попробовать?

– В такие игры я никогда не играла, но я попробую научиться, мэм.

Собеседница Дэнни закатила глаза.

– Дэнни, ты что, не умеешь говорить по-людски?

Дэнни хотела было ответить: «Извините, не умею», но смутилась и молча покачала головой.

– Тогда лучше молчи, пока не заговоришь, как я. А то тебя мигом раскусят. Не трусь, я тебя всему научу.

– А когда мисс Джейн поправится, она будет жить с нами?

Незнакомка вздохнула:

– Она умерла. Вся была в крови. Я накрыла ее шалью... ну-ну, не плачь. Теперь у тебя есть я.

Глава 1

Джереми Мэлори и прежде случалось бывать в тавернах, пользующихся дурной славой, но в такую он попал впервые. Поскольку таверна стояла на самой границе лондонских трущоб, неудивительно, что ее наводняли воры и головорезы, проститутки и банды беспризорников – несомненно, следующее поколение преступников, какими кишел большой город.

Обследовать сами трущобы Джереми не решался. Отважившись на такой шаг, следовало прежде попрощаться с родными и предупредить, что его, возможно, видят в последний раз. Но в эту таверну, больше похожую на воровской притон, ничего не подозревающие добропорядочные горожане заходили без опасений – заказывали кружку-другую, обнаруживали, что кто-то обчистил их карманы, а если по глупости оставались здесь ночевать, то лишались не только кошелька, но и всей одежды и прочего имущества.

За комнату Джереми уже заплатил. Мало того, он буквально сорил деньгами – угостил всех посетителей таверны, распорядился, чтобы музыканты играли не умолкая. Он рассчитал, что рано или поздно здесь его ограбят. Потому и явился сюда в сопровождении друга Перси – ловить вора.

Невероятно, но в кои-то веки Перси Олден держал рот на замке. Непривычное молчание болтливого и к тому же легкомысленного Перси можно было приписать лишь нервозности. А объяснить нервозность не составляло труда: если Джереми чувствовал себя в таверне как дома, поскольку именно в такой обстановке родился и вырос, пока в шестнадцать лет его не разыскал отец, Перси с рождения принадлежал к избранному обществу.

Джереми, если можно так выразиться, «унаследовал» Перси, когда два его лучших друга, Николас Иден и кузен Джереми Дерек Мэлори, обзавелись семьями и остепенились. А поскольку Дерек принял Джереми под крыло еще в ту пору, когда Джереми и его отец Джеймс вернулись в Лондон после долгожданного примирения Джеймса с родными, Перси привык выбирать

Джереми своим спутником, отправляясь развлекаться в город, тем более в заведения, где сам он бывал редко.

Джереми не возражал. За последние восемь лет он успел сдружиться с Перси и привязаться к нему. Иначе не стал бы вытаскивать Перси из последней переделки: не далее как в прошлое воскресенье лорд Крэндл с партнерами обчистил Перси в карты до последней нитки. Незадачливый игрок лишился трех тысяч фунтов, экипажа и всех фамильных реликвий, в том числе и двух самых дорогих. Перси так ловко облапошили, что он ничего не помнил, пока на следующий день не узнал о случившемся от одного из гостей.

Перси вспылал гневом, и не без причины. Да, деньги и экипаж были справедливой платой за доверчивость, но два кольца – это совсем другое дело. Одно из них, старинное, было украшено фамильной печаткой, а второе, баснословно ценное, с целой россыпью драгоценных камней, передавалось в семье Перси на протяжении жизни пяти поколений. Перси и в голову не пришло бы поставить его на кон. Очевидно, его вынудили или заставили сделать это с помощью какой-то хитрой уловки.

И вот теперь кольцо принадлежало лорду Джону Хеддингсу. Перси вышел из себя, узнав, что Хеддингс наотрез отказывается продать кольцо прежнему владельцу. В деньгах лорд не нуждался. В экипаже – тем более. А вот кольца считал трофеями, свидетельствами собственной ловкости и удачливости. Точнее, умения мошенничать – но Джереми не сумел бы доказать это, не увидев своими глазами.

Будь Хеддингс порядочным человеком, он отправил бы Перси спать, вместо того чтобы продолжать спаивать его, подбивая поставить на кон кольца. Сохранись у Хеддингса хоть капля порядочности, он позволил бы Перси выкупить кольца. Перси предлагал сумму, многократно превышающую их стоимость. В конце концов, он не бедствовал: отец оставил ему внушительное наследство.

Но поступать, как подобает порядочному человеку, Хеддингс не желал. Он дерзко посмеялся над Перси и под конец пригрозил ему расправой, если тот не перестанет докучать ему. И это настолько взбесило Джереми, что он решил не выбирать средств. Тем более что Перси был убежден, что за потерю колец мать никогда не простит его. Со дня досадного проигрыша он избегал встреч с ней, чтобы она ненароком не заметила отсутствия фамильных реликвий у него на пальцах.

С тех пор как друзья удалились в снятую на втором этаже таверны комнату, их пытались ограбить трижды. Все три попытки были до смешного неуклюжими, и Перси уже отчаялся найти вора, способного выполнить их поручение. Но Джереми не терял надежды. Три попытки за два часа – неплохо, значит, ночью будет предпринято еще несколько.

Дверь опять приоткрылась. В комнате было темно, в коридоре тоже. Если очередной грабитель хоть на что-нибудь способен, он обойдется и без света, заранее подождав, когда глаза привыкнут к темноте. Шаги прозвучали чересчур гулко. Чиркнула спичка.

Джереми вздохнул и одним гибким движением поднялся со стула у двери, где продолжал бдения. Ступая тише, чем явившийся в комнату грабитель, он мгновенно преградил ему путь. По сравнению с вором Джереми казался человеком-горой, хотя и незванный гость был далеко не щуплым уличным мальчишкой. Столкнувшись с неожиданным препятствием, грабитель с позором бежал из комнаты.

Джереми захлопнул за ним дверь. Разочароваться он так и не успел. Ночь только начиналась. У грабителей еще уйма времени для попыток. Если понадобится, он, Джереми, будет отпугивать одного за другим, пока не дождется мастера своего дела.

А Перси совсем приуныл. Он сидел на кровати, прислонившись спиной к стене, – лечь на местные серые простыни ему и в голову не приходило. Только по настоянию Джереми он присел на постель и притворился спящим. Но предупредил, что «одеялом укрываться не стану, благодарю покорно».

– Должен же быть другой способ нанять вора, – сетовал Перси. – Может быть, существует агентство найма?..

Джереми едва сдержал смешок.

– Терпение, старина! Я же говорил, что понадобится ждать всю ночь.

– Надо было спросить твоего отца... – промямлил Перси.

– О чем это?

– Да так, дружище, ни о чем.

Джереми покачал головой, но промолчал. Винить Перси за то, что он сомневался в способности Джереми справиться со столь сложной задачей, было невозможно: Джереми был на девять лет моложе Перси. К тому же болтуна Перси, начисто лишённого умения хранить секреты, никто не посвятил в тайну происхождения и воспитания Джереми.

В первые шестнадцать лет жизни и работы в таверне у Джереми обнаружилось немало неожиданных талантов. Во-первых, умение пить, не пьянея: Джереми мог свалить под стол одного за другим всех своих приятелей, выпивая с ними наравне, но оставаясь трезвым. Во-вторых, ловкость и удачливость в драках. Не следовало пренебрегать и способностью отличать настоящую угрозу от мнимой.

На этом единственное в своем роде образование Джереми не закончилось: узнав о существовании сына, Джеймс сам взялся за него. Но Джеймс Мэлори враждовал с многочисленной родней и вел в Карибском море беззаботную жизнь пирата – вернее, как он предпочитал себя называть, пирата-джентльмена. Тем временем Джереми занималось пестрое сборище – команда Джеймса, обучая мальчишку тому, чего в его возрасте не полагалось знать.

Обо всем этом Перси и не подозревал. В друге он видел только обаятельного повесу, к двадцати пяти годам повзрослевшего, но не утратившего обаяния: стоило Джереми войти в комнату, как он попадал под прицел влюбленных взглядов всех присутствующих женщин. Разумеется, кроме своих родственниц. Те его просто-напросто обожали.

Внешность Джереми унаследовал от своего дяди Энтони: знакомясь с ним, каждый мог бы дать голову на отсечение, что Джереми – сын Тони, а не Джеймса. Подобно дяде, Джереми был высок ростом и широкоплеч, мог по праву гордиться тонкой талией, узкими бедрами и длинными крепкими ногами. У обоих губы были сочными, подбородки – четко очерченными и надменными, носы – горделивыми, римскими, кожа – смугло-бронзовой, а волосы – густыми, оттенка эбенового дерева.

Но первыми взгляд притягивали глаза – отличительная черта лишь немногих мужчин семейства Мэлори: ярко-синие, с тяжелыми веками, с едва уловимым намеком на экзотический разрез, с бахромой пушистых черных ресниц, под густыми бровями вразлет. Цыганские глаза, унаследованные от прабабушки Джереми, Анастасии Степановф, – наполовину цыганки, о чем ее родные узнали только в прошлом году. Анастасия пленила Кристофера Мэлори, первого маркиза Хейверстона, и он женился на ней на второй день знакомства. Но это семейное предание знали только их прямые потомки.

Понять, почему Перси уже жалел, что не додумался обратиться к отцу Джереми, было несложно. Друга Перси, Дерека, Джеймс избавил от затруднений весьма щекотливого свойства. Перси не подозревал, что когда-то Джеймс был пиратом, зато прекрасно помнил, что Джеймс Мэлори во времена молодости слыл самым отчаянным лондонским задирой и щеголем. И разве нашелся бы в столице хоть один смельчак, способный бросить Джеймсу вызов, – будь то на ринге или на дуэли?

Перси поерзал на постели и опять притворился спящим. Все звуки в комнате стихли, друзья затаились в ожидании очередного грабителя.

Джереми задумался: стоит ли объяснять Перси, что в ближайшее время Джеймс ему ничем не поможет, так как уехал в Хейверстон в гости к брату Джейсону, через день после того, как у Джереми появился новый городской дом? Сам Джереми не сомневался, что в поместье отец задержится на пару недель – из опасения, что в противном случае Джереми привлечет его к выбору и приобретению мебели.

Погруженный в мысли, Джереми чуть не упустил из виду тень, бесшумно скользнувшую через всю комнату к кровати. На этот раз он не слышал, как открылась дверь – сказать по правде, вообще не слышал ни звука. Если бы обитатель комнаты на самом деле спал, этот незванный гость не разбудил бы его.

Многозначительно улыбнувшись, Джереми чиркнул спичкой и поднес ее к свече, которую заранее поставил на стол возле своего стула. Вор мгновенно обернулся. Джереми вольготно развалился на стуле. Вор и не подозревал, насколько быстро Джереми способен сорваться с места в случае необходимости. Но и вор тоже не двигался: очевидно, такой встречи он не ожидал.

– Вот так так! – Перси поднял голову. – Неужели нам наконец-то повезло?

– Похоже на то, – отозвался Джереми. – Я не слышал ни звука. Это наш человек – точнее, мальчишка, если уж на то пошло.

Вор опомнился, и ему явно не понравилось услышанное; он подозрительно уставился на Джереми прищуренными глазами. Джереми не обратил на этот взгляд ни малейшего внимания. Он высматривал оружие, но вскоре решил, что вор безоружен. Разумеется, в карманах у самого Джереми лежало по пистолету, но доставать их он не торопился.

Ростом выше первых неудачливых грабителей, но заметно тоньше их, этот вор был еще очень молод – судя по гладким щекам, лет пятнадцати-шестнадцати. Очень светлые, почти белые волосы, выющиеся от природы, он коротко стриг. Бесформенная черная шляпа вышла из моды несколько веков назад. Темно-зеленый бархатный сюртук – несомненно, краденый – был невероятно засален, обтрепан и измят, как будто в нем постоянно спали. Когда-то белая рубашка еще сохранила на вороте остатки оборок, под длинными черными панталонами виднелись ступни, башмаков не было. Хитрый малый! Неудивительно, что он проскользнул в комнату бесшумно.

На заурядного вора неизвестный не походил – вероятно, причиной тому была его юношеская миловидность. От неожиданности он уже давным-давно оправился. Еще мгновение – и он метнулся к двери, но Джереми был начеку. Привалившись к двери спиной, он скрестил руки на груди. И расплылся в ленивой усмешке.

– Не спешите, юноша. Вы еще не выслушали наше предложение.

Вор вновь растерялся и уставился на него во все глаза. Наверное, его обезоружила улыбка Джереми, а может, расстроила собственная неудачная попытка бегства. На этот раз Перси заметил взгляд неизвестного и посетовал:

– Черт побери, он таращится на тебя, как распутная девчонка! Нам нужен мужчина, а не ребенок.

– Возраст не имеет значения, старина, – возразил Джереми. – Главное – ловкость, остальное уже не важно.

Парнишка густо покраснел, оскорбленно нахмурился и впервые обернулся к Перси.

– Никогда не видал такого смазливового богача.

Эпитет насмешил Перси – в отличие от Джереми. Храбрец, который в прошлый раз назвал его «смазливым», недосчитался нескольких зубов.

– Кто бы говорил! Да у тебя самого девчоночье лицо, – парировал Джереми.

– И правда! – подхватил Перси. – Тебе не помешало бы отрастить бороду или хотя бы снизить голос на пару октав.

Это предложение вновь вогнало юношу в краску, и он пробурчал:

– Щетина пока не растет. Мне же пятнадцать... вроде бы. Просто длинный, вот и все.

Джереми мог бы посочувствовать пареньку – в первую очередь из-за этого «вроде бы», означающего, что юный преступник, подобно многим сиротам, не знает, когда родился. Но Джереми одновременно заметил две вещи. Голос неизвестного поначалу высоко взвился, а к концу фразы понизился, как бывает у мальчишек в тот трудный период взросления, когда у них ломается голос. И все-таки Джереми показалось, что он звучит неестественно – слишком уж правильно и рассчитанно.

Второе обстоятельство открылось при ближайшем рассмотрении гостя: он оказался не просто миловидным, а красивым. То же самое посторонние могли бы сказать о Джереми в таком возрасте, но красота Джереми была определенно мужской, а у юного вора – несомненно женственной. И дело было не только в нежных щеках, пухлых губах и аккуратном носике – этим сходство с девочкой не исчерпывалось. Слишком плавные очертания подбородка, чересчур тонкая шейка, даже осанка беспощадно выдавали правду, по крайней мере на взгляд человека, знающего толк в женщинах, такого как Джереми.

И все-таки Джереми не спешил с выводами – пока, тем более что его собственная мачеха когда-то прибегла к той же уловке, благодаря чему и

познакомилась с его отцом. Ей непременно нужно было попасть в Америку, и нашелся только один способ: стать юнгой на корабле Джеймса. Конечно, Джеймс с самого начала раскусил обманщицу, но изрядно позабавился, поддерживая игру и притворяясь, будто верит, что она мальчишка.

Джерemi понимал, что он мог и ошибиться. Такой шанс существовал – ничтожный, но все же шанс. Правда, насчет женщин Джерemi редко ошибался.

Но выдавать гостью ему было незачем. По какой бы причине она ни скрывала свой пол, это ее дело. От природы Джерemi был любопытен, но давно усвоил, что терпение приносит самые щедрые плоды. И потом, от незнакомки ему требовалось лишь одно: ее ловкость.

– Как тебя зовут, малый? – спросил Джерemi.

– Не ваше дело.

– Похоже, он еще не понял, как ему повезло, – вмешался Перси.

– Расставили капкан, и...

– Да нет же, это твой шанс подзаработать, – поправил Перси.

– Это ловушка! – твердо повторил вор. – Ничего мне от вас не нужно.

Джерemi вскинул черную бровь.

– И тебе ничуть не любопытно?

– Нет, – непреклонно заявил вор.

– Скверно. Знаешь, чем хороши ловушки? Из них не выберешься, пока тебя не выпустят. Думаешь, мы тебя отпустим просто так?

– Рехнулись, что ли? Решили, что я здесь один? Да если я не вернусь, как обещал, за мной придут!

– «Придут»? Кто?

Вор ответил Джереми гневным взглядом. Джереми лишь безразлично пожал плечами. Он и не сомневался, что гостья состоит в воровской шайке – той самой, которая упорно посылала в эту комнату разведчиков, рассчитывая рано или поздно ограбить неосторожных богачей, сунувшихся на чужую территорию. Но искать пропавшую сообщницу эти люди не станут. Им гораздо интереснее заполучить туго набитый кошелек, а спасатели из них никудышные. Самое большее, на что они способны, – сообразить, что очередная попытка провалилась, что воровку заметили, схватили и убили, и найти ей замену.

Значит, уйти отсюда следует как можно скорее. Джереми перешел к делу просто:

– Сядь, малый, и я объясню, что ты натворил.

– Ничего я не...

– Как бы не так! В эту дверь ты вошел по своей воле, никто тебя не заставлял.

– Ошибся дверью, – заюлил вор. – Вы что, никогда по ошибке не заходили в чужую комнату?

– Без сапог – ни разу, – сухо сообщил Джереми.

Гость покраснел и выругался шепотом.

Джереми зевнул. Играть в кошки-мышки он любил, но не целую ночь напролет. А еще предстояла долгая поездка до загородного дома Хеддингса.

Подпустив в голос строгости, он приказал:

– Сядь, или я сам усажу тебя...

Договаривать не понадобилось: разоблаченная гостья буквально упала на стул. Очевидно, она смертельно боялась прикосновений. Усмехнувшись, Джереми покинул свой пост у двери и встал перед воровкой.

К его удивлению, Перси решил вмешаться и в кои-то веки проявил подобие здравого смысла:

– Почему бы нам просто не объяснить, в чем дело? Того, кто нам нужен, мы уже нашли. Лично я не хотел бы задерживаться в этом вертепе ни единой лишней минуты.

– Правильно. Найди мне что-нибудь покрепче.

– Зачем?

– Чтобы связать его. Или ты еще не заметил, что наш грабитель и не собирается оказывать нам содействие?

В этот миг неизвестная отчаянно рванулась к двери.

Глава 2

Джереми сразу понял, в чем дело: гостья решила еще раз попытать удачу, пока не поздно. Эту решимость он заметил в ее глазах прежде, чем она сорвалась с места. Но он очутился у двери первым, придавил беглянку своим весом и заодно решил выяснить, не ошибся ли он, и обнял воришку обеими руками. Он оказался прав. Под одеждой он почувствовал грудь – надежно прикрытую чем-то плотным, но безошибочно различимую на ощупь.

Продолжить исследования незнакомка ему не дала. Вырываясь, она повернулась к нему спиной, и это было удобнее, поскольку отпускать ее Джереми пока не собирался. Он и не ожидал, что сегодня в его объятиях окажется извивающаяся хорошенькая плутовка. Теперь, твердо уверенный, что перед ним девчонка, он от души развлекался.

– Надо бы обыскать тебя – на случай если ты припрятал оружие, – заявил Джереми, заговорщически понизив голос. – Да, пожалуй, следовало бы.

– Ничего у меня... – запротестовала девчонка, но ахнула и умолкла: мужская ладонь скользнула по ее телу пониже спины и замерла.

Вместо того чтобы похлопать ее по карманам, Джереми слегка сжал оба упругих полушария. Они оказались на редкость соблазнительными, и Джереми вдруг захотелось не просто ощупать незнакомку, но и крепко прижать ее к себе, стащить с нее дурацкие штаны, провести кончиками пальцев по коже, войти в теплую пещеру. Сейчас, когда он придерживал ее за попку, это было особенно удобно. Но Джереми не хотелось, чтобы девчонка узнала, как она возбуждает его.

– Это подойдет? – Голос Перси напомнил Джереми, что они с девчонкой тут не одни.

Со вздохом Джереми вернулся к насущным делам, силой усадил воровку на стул, склонился над ней, положив обе ладони на спинку, и прошептал:

– Сиди смирно, не то облапаю с головы до пят.

Он чуть не расхохотался – так поспешно она замерла. Но горящие глаза грозили ему отмщением. Джереми считал, что на убийство незнакомка вряд ли способна, но на какую-нибудь каверзу – вполне.

Обернувшись, Джереми увидел, что Перси рвет простыню, наконец-то найдя ей достойное применение. С его руки уже свешивалось несколько неровных полос ткани.

– В самый раз. Неси сюда, – распорядился Джереми.

Ему следовало бы выслать из комнаты Перси, но он передумал. Больше он и пальцем не прикоснется к этой девчонке, несмотря на то что он мужчина, чувственный и страстный, и просто ничего не может с собой поделать. Сжав оба ее запястья в ладони, он обвязал их куском простыни. Руки незнакомки были горячими, ладони взмокли от страха. Понятия не имея, что эти двое не причинят ей вреда, она готовилась к самому худшему. Джереми мог бы успокоить ее, но прежде надо было убраться отсюда, пока не подоспел очередной грабитель. С объяснениями можно и подождать.

С удовольствием прижимаясь к плечу незнакомки, Джереми заткнул ей рот и завязал ленты кляпа на затылке. Пожалуй, руки стоило связать за спиной, но доставлять гостье такие неудобства ему стало неловко. Удар кулаком в живот Джереми получил в самый неожиданный момент, но даже не разозлился: обидчице не хватило сил и места для хорошего замаха.

Не испытывая к гостье особого доверия, Джереми решил связать и ноги, но, присев на корточки, он рисковал получить пинок, поэтому пристроился на подлокотник соседнего кресла и взгромоздил обе ее ноги к себе на колени. Незнакомка слабо пискнула сквозь кляп и тут же затихла. Дотронуться до ее кожи Джереми на этот раз не удалось: она была разута, в одних носках. При виде ее длинных ног Джереми разволновался сильнее, чем мог предположить. Он метнул взгляд на незнакомку, надеясь заметить мерцание страсти в ее глазах, но ничего не увидел. Она была занята: пыталась ослабить веревку на запястьях и почти преуспела в этом деле.

Джереми предостерегающе взял ее за руку.

– Не вздумай! Иначе вместо моего друга тебя отсюда вытащу я.

– Что?.. А почему я? – обиделся Перси. – Ты гораздо сильнее, и я готов это признать. Только незачем – это и так очевидно.

Джереми хотелось самому вынести из таверны переодетую плутовку, но благоразумие вовремя напомнило о себе.

– Кто-то из нас должен позаботиться о том, чтобы нам не помешали убраться отсюда. Если хочешь, старина, можешь взять на себя такой труд. Впрочем, сомневаюсь, что ты останешься доволен.

– Чтобы нам не помешали?.. – нерешительно повторил Перси.

– Предупреждаю: мы идем не на прогулку.

Наконец сообразив, в чем дело, Перси выпалил:

– Верно! Не понимаю, о чем я только думал. С задирами ты справляешься гораздо лучше меня.

Джереми с трудом подавил смешок: в драки Перси никогда не ввязывался.

Препятствия на их пути оказались немногочисленными. Только хозяин таверны, угрюмый громила, способный внушить робость кому угодно, окликнул троицу.

– Эй вы! Поклажу оставьте! – рявкнул он.

– Эта «поклажа» чуть не обокрала нас, – возразил Джереми, надеясь мирно распрощаться с хозяином заведения.

– И что с того? Прибили бы сами да бросили наверху. Вам-то он на кой сдался? Только легавых мне тут не хватало!

Джереми предпринял последнюю попытку:

– Дружище, сдавать его в полицию мы не собираемся. К утру вернется домой целый и невредимый.

Здоровяк грозно двинулся в обход стойки к двери, намереваясь преградить им путь.

– Здесь свои правила. Положи, где взял, слышишь? Или не понял?

– Нет, я из понятливых. Там, откуда мы прибыли, другие правила. И объяснять их незачем. Надеюсь, это ты понял?

Сразу сообразив, что этого противника голыми руками не одолеешь, Джереми выхватил пистолет и направил его в лицо хозяину таверны. Прием сработал. Здоровяк вскинул руки и попятился.

– Молодчина, – похвалил Джереми. – Своего воришку ты получишь обратно, как только...

– Никакой он не мой, – счел своим долгом поправить угрюмец.

– Не важно, – отозвался Джереми, пятясь к двери. – Так вот, мы с ним покончим с одним дельцем, и он сразу вернется сюда.

Больше их никто не задерживал. В такой поздний час на пути им попалась только старая пьянчужка, которой, однако, хватило ума при виде странной тройцы поспешно заковылять на другую сторону улицы.

Протащив вора на плечах четыре квартала, Перси совсем запыхался. Карету друзья решили не оставлять у таверны по вполне понятным причинам – к тому времени, как она понадобится бы им, ее могло не оказаться на месте. Угол на расстоянии четырех кварталов, на хорошо освещенной улице показался им более подходящим, зато пришлось всю дорогу нести вора на себе.

Неудивительно, что Перси сбросил свою ношу на пол кареты не слишком бережно – на это ему просто не хватило сил.

Забравшись в карету следом за Перси, Джереми понял, что ему остается только самому усадить спутницу на сиденье. Он доверил Перси нести ее, чтобы избежать искушения. Впрочем, одновременно удерживать на плече незнакомку и устранять препятствия все равно было бы невозможно. Джереми поделился работой с Перси потому, что уже понял: прикасаться к этой воровке опасно. Смотреть – одно дело. Это под силу даже сластолюбцу. А прикосновения слишком волнуют, на такую степень близости Джереми отзывался вспышками жгучего вождления.

А он не хотел, чтобы его влекло к этой девчонке. Да, она миловидна, но она преступница; должно быть, она и выросла где-нибудь в уличной канаве. Ее повадки и привычки не выдерживают никакой критики, так что не стоит и думать о них.

Просить помощи было не у кого: бедняга Перси тяжело отдувался и, судя по виду, изнемогал. Джереми с обреченным вздохом потянулся к девчонке и тут же сообразил, что карета движется, за окнами проплывают предместья, – значит, можно не опасаться, что добыча удерет. Достаточно просто развязать незнакомку, а на сиденье она устроится сама.

Так он и сделал: сначала распутал узлы на ее чертовски стройных и изящных ногах. Потом занялся руками. К кляпу Джереми не притронулся. Девчонка избавилась от кляпа сама – в ту же секунду, как ей развязали руки. И так же стремительно вскочила с пола и накинулась на Джереми.

Такого он никак не ожидал, хотя и помнил, что незнакомка уже пыталась ударить его. Он предвидел потоки оскорблений, рыдания, грубейшую брань, но не почти мужской поступок...

Конечно, она промахнулась. Застать Джереми врасплох было нелегко. Он вовремя отдернул голову, куда она метила, ее кулак косо скользнул по щеке и задел мгновенно занывшее ухо.

Прежде чем девчонка понесла заслуженное наказание, вмешался Перси и произнес донельзя сухим тоном:

– Хочешь отлупить его – лупи, дружище, только тихо. Я намерен подремать, пока мы едем.

При этих словах воровка метнулась к дверце. Джереми ухватил ее за воротник, резко дернул назад и усадил к себе на колени.

– Еще одна попытка – и ты просидишь здесь ближайшие несколько часов, – пообещал он, обхватив девчонку обеими руками так, что она замерла на месте.

Высвободиться она не могла, но, судя по всему, и сдаваться не собиралась. Из всех способов мести она выбрала наихудший: заерзала на коленях Джереми. Поза оказалась слишком чувственной и вызывала опасные мысли – о том, чем он хотел бы... нет, что он непременно сделал бы, оставшись с ней наедине. Медленно раздел, высвободил ее грудь, взял за плечи и погрузился в нее. Дьявол! Если она и дальше будет так скакать, ему придется на время выставить Перси из кареты.

Должно быть, незнакомка поняла, что ее усилия напрасны, примерно в тот же момент, когда Джереми осознал: еще несколько минут ерзанья и скачек на его коленях – и девчонка поймет, что натворила. Она раздраженно застонала, но ему этот стон показался скорее страстным. Джереми ссадил ее с колен так поспешно, будто обжегся. Господи, почему его так тянет к ней? С него довольно!

Девчонка упала на пол, быстро вскочила, села напротив Джереми, стянула на груди лацканы сюртука, отряхнула мешковатые штаны и затихла, глядя в сторону, но явно ожидая возмездия, обещанного Перси.

Целых пять минут Джереми выжидал, когда желание в нем утихнет, а голос зазвучит как обычно. Наконец он вытянул вперед ноги, скрестил их, откинулся на спинку сиденья, сложил руки на груди и объявил:

– Не трусь, малый. Мы ничего тебе не сделаем. Ты просто окажешь нам одну услугу и заодно разбогатеешь сам. Что может быть приятнее?

– Чтоб вы отвезли меня обратно.

– Об этом даже не заикайся. Нам и без того пришлось потрудиться, отлавливая тебя.

– Спросили бы сначала у меня согласия... милорд.

Титул был добавлен после паузы, презрительным тоном.

Теперь, окончательно удостоверившись, что Джереми ее не задушит, она опять посматривала на него с оттенком восхищения. Он старательно отводил взгляд, надеясь, что в таверне его ввел в заблуждение тусклый свет. Но в ярко освещенной карете, сидя почти нос к носу, ошибиться было невозможно. Изумительные глаза незнакомки позволяли причислить ее к редкостным красавицам. Они были фиалковые – густого, насыщенного фиолетового оттенка – и составляли удивительный контраст с шапкой серебристо-белокурых кудрей. Необычно длинные ресницы были темнее волос, но ненамного, как и золотистые брови.

Джереми пытался найти хоть что-нибудь мужское во внешности сидящей напротив пассажирки, но так и не смог. У него не укладывалось в голове, как мог хоть кто-то принять ее за мальчишку. Впрочем, Перси считал, что с ними в карете едет хотя и смазливый, но все-таки парень. Видимо, все дело в ее росте, решил Джереми. Редко встретишь женщину, ростом не уступающую его отцу. Поэтому люди склонны считать всех высоких людей мужчинами.

Он по-прежнему пытался не проявлять к незнакомке такого же интереса, как к любой красивой женщине. Но эти глаза... Наконец Джереми сдался. Он непременно уложит ее в постель, притом сегодня же. Решено. В том, что девчонка ему не откажет, он не сомневался.

Уступив своей сладострастной натуре, Джереми мгновенно переменился. Его считали обаятельным мужчиной, а он не скрывал своей чувственности; охваченный мыслями о плотских наслаждениях, он недвусмысленно обещал их взглядами.

Девчонка отвела глаза и зарумянилась. Джереми улыбнулся. Он знал, что эта победа достанется ему нелегко, однако румянец был красноречивее любых слов. Незнакомка не способна устоять перед ним, как всякая женщина. Но выдавать ее маленькую тайну Джереми не собирался. Пусть поиграет в юношу, пока они не останутся вдвоем.

Думая об этом, он ответил на последнюю реплику незнакомки:

– А ты спрашивал, согласны ли мы, чтобы нас ограбили? – Девчонка снова зарделась, и Джереми спокойно заключил: – Нет, полагаю, это не в твоих правилах. Так позволь объяснить, чего мы хотим и зачем, а уж потом решай, соглашаться или отказываться. Моего друга, присутствующего здесь, ограбили – но законным путем.

– Раз уж начали объяснять, так не мелите чепухи, – фыркнула слушательница.

И больше не добавила ни слова. Это обнадеживало. Очевидно, она решила дослушать Джереми до конца.

– Под «законным путем» я подразумевал игру в карты.

Опять пренебрежительное фырканье.

– Так это не грабеж, а дурость. Это разные вещи, приятель.

Джереми усмехнулся, девчонка смутилась, и улыбка ее собеседника стала многозначительной и понимающей. Он подробно объяснил, что виновник

происшествия Джон Хеддингс играл нечестно и что именно ей, незнакомке, предстоит оплатить ему за это.

– Мы везем тебя в поместье Хеддингса, – продолжал Джереми. – Оно обширное, в нем целая армия слуг, поэтому хозяин убежден, что ни один вор в здравом уме не отважится ограбить его. Он прав. И в этом твое преимущество, парень.

– Как это?

– Даже если двери заперты, окна в такое время года наверняка открыты. А поскольку в доме никто не ждет грабителей, значит, и охраны там нет. Полночь уже миновала, слуги давно в постели, где просят до утра. Значит, ты без труда проникнешь в дом.

– Это еще зачем?

– Чтобы незаметно проскользнуть в спальню хозяина. Скорее всего Хеддингс будет там, но тебе не привыкать. Как и слуги, он наверняка спит – до утра еще далеко. Тебе представится случай показать, на что ты способен. То есть обокрасть этого человека.

– С чего вы взяли, что он не запирает все самое ценное в сейф?

– Он ведь не в Лондоне. В собственном поместье любой джентльмен чувствует себя в безопасности.

– Что это за реликвии, которые мне надо умыкнуть?

– Два кольца, очень старых.

– Рассказывайте, какие они, приятель, а то, не дай Бог, перепутаю.

Джереми покачал головой:

– Как выглядят кольца Перси, не важно. Нельзя взять только их: Хеддингс сразу поймет, кто подстроил эту кражу. Твоя задача, малый, – выполнить свою обычную работу, забрать все ценное, что только сможешь найти. Все, кроме

колец Перси, можешь оставить себе – у Хеддингса наберется драгоценностей на тысячи фунтов, не меньше.

– На тысячи! – ахнула незнакомка.

Джереми с усмешкой кивнул.

– Ну, теперь ты рад, что мы увезли тебя силой?

Чудесные фиалковые глаза сощурились.

– Да вы болван, если думали, что за какие-то побрякушки, пусть даже дорогие, я ввяжусь в это дело, не спросив разрешения!

Джереми нахмурился, но не от оскорбления.

– Тебя держат на таком тугом поводке?

– У нас свои правила, а из-за вас я нарушил почти все.

Джереми тяжело вздохнул:

– Мог бы предупредить сразу.

– Я думал, хозяин таверны поможет. Такой громила, а трус.

– Кому охота получать пулю в лоб? – вступился за хозяина таверны Джереми. – Зато он сможет подтвердить, что тебя увезли силой. Так в чем же дело?

– Это вас не касается...

– Минуточку! Ты только что заявил, что это моя забота.

– Черта с два! Зарубите себе на носу: вы только что влезли в мою жизнь по уши. И больше не вздумайте, иначе разговорам конец.

Прошла томительная минута, прежде чем Джереми кивком выразил согласие – пока. Но портить жизнь сообщнице в его планы не входило. Придется потом отвезти девчонку домой и попробовать избавить ее от лишних неприятностей.

Подобных затруднений Джереми не ожидал, затея приобретала престранный оборот. Они предложили воровке шанс из тех, что выпадают раз в жизни. Любой карманник ухватился бы за него обеими руками и еще долго благодарил бы судьбу за неожиданный подарок. Так нет же, им попалась редкая птица – вор из банды с такими строгими правилами, что на любое, даже самое выгодное дело требовалось просить позволения. И это не укладывалось у Джереми в голове. Какая, черт побери, разница, кого, где и как ограбит вор, если он принесет в банду туго набитый кошелек?

Карета остановилась.

– Наконец-то! – вздохнул Перси и продолжал: – Удачи тебе, малый. Но ты справишься и без нее. Мы в тебя верим. Ты себе представить не можешь, с каким нетерпением я буду ждать тебя. Адски трудно прятаться от собственной матери, особенно если живешь с ней под одной крышей.

Джереми открыл дверцу и вытолкнул девчонку из кареты, не дожидаясь, когда Перси увлечется нудными и многословными жалобами. Карета стояла в лесу неподалеку от загородного дома Хеддингса. Джереми повел незнакомку через лес, крепко держа за локоть. Вдалеке показался дом.

– Я бы тоже пожелал тебе удачи, но ты и так обойдешься, – сказал он на прощание. – Я уже знаю, на что ты способен.

– А с чего вы взяли, что я не удеру домой, как только вы скроетесь из виду?

Джереми улыбнулся, не подумав, что в темноте спутница не увидит этого.

– Ты же понятия не имеешь, где мы сейчас. А время позднее. Мы доставим тебя обратно в Лондон, и чем быстрее ты вернешься, тем раньше окажешься дома. А являться домой лучше не с пустыми руками, а с карманами, набитыми сверкающими драгоценностями. К тому же...

– Хватит, приятель, – приглушенно перебила девчонка.

– Ты прав. Но дослушай до конца. Если по какой-то причине ты попадешься, не впадай в панику. Я отправляю тебя не в волчье логово. И обязательно вызволю тебя, что бы ни случилось. Можешь на меня положиться.

Глава 3

«Я отправляю тебя не в волчье логово»... Кого он надеялся облапошить? Он и есть волк. Зато теперь, когда его не было рядом и не приходилось смотреть в пронзительные синие глаза, к ней вернулась способность дышать.

Она чуть не выдала себя – этим дурацким румянцем, испугом, тем, что не сумела сдержать чувства. Обычно с мужчинами она держалась свободно, как «один из них». С другой стороны, ей никогда не попадались такие джентльмены, как Мэлори. А его она сочла неотразимым. Ее бросало в краску при каждом взгляде на этого человека.

В такое смятение Дэнни пришла впервые в жизни – нет, пожалуй, во второй раз. Но в первый она была еще слишком мала, чтобы понять, какая опасность ей грозит, не сознавала, что выжила, хотя должна была погибнуть, помнила только, что у нее нет никого в целом свете и никто не придет к ней на помощь.

Теперь она уже не одна, но больше ничто не изменилось. Несколько лет она прожила в напряжении, постоянно помня о своей тайне и остро сознавая, что она уже слишком взрослая и с каждым годом все меньше похожа на мальчишку. Рано или поздно кто-нибудь сообразит, что она обманывала всех вокруг.

Сначала хранить тайну было легко, гораздо проще, чем она думала, а все благодаря предусмотрительности Люси. Вся шайка накрепко запомнила первое появление Дэнни: в обтрепанных штанишках до колен, рубашке с чужого плеча, тесной курточке, той самой шляпе, найденной в мусоре, с коротко обрезанными волосами.

Дэнни сразу стала «одним из мальчишек». Вместе с ними она училась воровать, драться, узнавала все то же, что и они, но в отличие от остальных не спешила искать себе подружку.

Сейчас мальчишек в шайке было четырнадцать; они обосновались в ветхом доме, который снимал Даггер. За годы они сменили несколько домов, а когда с деньгами становилось совсем туго, селились в заброшенных сараях.

Даггер не любил подолгу сидеть на одном месте. В нынешнем доме было четыре комнаты: кухня, две спальни и большая гостиная. Одну из спален Даггер занял сам. Девчонкам досталась вторая – в ней они и спали, и принимали гостей. Остальные, в том числе и Дэнни, довольствовались гостиной.

За домом, на крошечном дворике, не росла даже трава, но малышам было где порезвиться. В детстве Дэнни тоже любила такие дворы, особенно когда научилась преодолевать врожденное отвращение к грязи. О купании не могло быть и речи – по крайней мере в общих лоханях, которые ставили посреди кухни раз в неделю. Когда удавалось, Дэнни ускользала на реку и мылась там. И не упускала случая подставить лицо и руки дождю.

Ее единственной подругой была Люси. Как Люси и опасалась, ей пришлось торговать своим телом по настоянию Даггера. Дэнни не нравились его приказы, но она понимала их логику. Миловидная Люси была слишком заметна в шайке карманников, жертвам не составляло труда запомнить ее лицо. Хороший карманник почти невидим в толпе. Раз Люси запретили воровать, чем еще она могла заработать на пропитание?

Как самый старший в шайке, Даггер был ее единственным вожаком. Поначалу своей властью он не злоупотреблял, против нее никто не возражал. Но похоже, Даггер вскоре решил, что его долг – чуть ли не каждую неделю устанавливать новые правила.

Дэнни никогда не спорила с ним. Она выполняла приказы, и не думая жаловаться. Только зорких глаз Даггера она опасалась – еще и потому, что лишь он да Люси остались в шайке с тех времен, когда Дэнни появилась в ней. Рано или поздно Даггер мог задуматься, почему у двадцатилетнего мужчины лицо по-прежнему гладкое, как у двенадцатилетнего мальчишки.

Самому Даггеру было лет тридцать или за тридцать, а он до сих пор возился с ребятей. И не потому, что был неудачником. Годам к двадцати парни уходили в другие банды, члены которых имели право оставлять себе часть добычи, а не отдавать все Главарю. На собранные деньги Даггер покупал еду, платил за жилье и временами приносил домой забавные безделушки – повеселить малышей. И сам Даггер мог бы заняться более прибыльными делами, но почему-то продолжал возглавлять ребячью шайку.

Несмотря на всю строгость, он был не злым человеком. Дэнни еще несколько лет назад поняла, что в его костлявой груди таится доброе сердце. Но Даггер считал, что Главарь банды должен быть суровым и непреклонным. А Дэнни догадывалась, что он не столько вожак, сколько отец ей и остальным малышам. Потому-то он и не уходил в банду взрослых. К ним прибивались новые сироты, прежние подрастали и уходили. Всего набиралось не более двадцати, но и не меньше десяти человек. В том числе малышей, за которыми требовалось присматривать.

Правило номер один гласило: никогда не грабь богачей у них в домах. Это самый верный путь за решетку. К тому же легавые могли явиться в трущобы с облавой. Если бы они наткнулись на дом, полный ничейных сирот, это был бы настоящий провал. Даггер часто пугал маленьких подопечных рассказами об ужасах жизни в сиротских приютах. Он знал, что говорит, потому что сам когда-то сбежал из такого приюта. Сегодня Дэнни предстояло нарушить введенное им правило.

Вообще-то грабить богачей не возбранялось. Но только на улице, в тавернах, на рынке или в лавках, где они не заметят пропажу пары монет, а если и заметят, то решат, что случайно выронили их или потратили на какую-нибудь мелочь.

Второе правило предписывало вора́м работать только в хорошо знакомых местах. Даггер сам обследовал эти места и распределял своих подопечных, меняя их каждую неделю, чтобы детские лица не примелькались на улицах. Это правило Дэнни тоже должна была нарушить.

Третье правило относилось только к ней и еще нескольким товарищам, которые давно выросли из детских штанишек. Логика была проста: чем выше ростом становился карманник, тем труднее ему было запускать руки в чужие карманы. Поэтому рослым подопечным Даггер давал только особые поручения, а это случалось нечасто. На этот раз Дэнни ни у кого не спрашивала разрешения.

Чаще всего Даггер посылал ее в три таверны и один постоянный двор. А поскольку со своим цветом волос и глаз Дэнни выделялась в любой толпе, ей доставалась только одна работа – грабить спящих. Прежде ей всегда улыбалась удача, но, с другой стороны, ей ни разу не подстраивали ловушек.

Досадно, что это случилось именно с ней. Если бы в таверне попался кто-нибудь из мальчишек, Даггер наверняка простил бы его и обрадовался неожиданному богатству, свалившемуся на них с неба. Счастливчик еще долго ходил бы в героях. Но, узнав, что в ловушку угодила именно Дэнни, Даггер наверняка разозлится – он уже давно ищет повода задать ей трепку.

Вот уже почти три года Дэнни была с Даггером на ножах. Раньше они прекрасно ладили, перешучивались и смеялись, а теперь он, похоже, презирал ее. Даггер никогда не упускал случая осыпать ее упреками. Он постоянно бранил ее, придирался, даже когда повода не находилось. Дэнни давно поняла: он выживает ее из банды и выживет наконец, как только подвернется случай. И вот он подвернулся.

Дэнни даже не понимала, почему Даггер злится на нее, помнила только, что это началось, когда она стала выше его ростом. Возможно, он считал, что вожаком должен быть самый рослый человек в банде. Но рост самого Даггера едва достигал пяти футов и семи дюймов. К тому же Дэнни умела носить лохмотья, как элегантный наряд, а Даггер выглядел неприметно. И дети сразу замечали разницу. Многие подражали Дэнни и часто обращались к ней за помощью.

Может, Даггер опасался, что она захочет занять его место? Напрасно. Дэнни терпеть не могла воровать, а уж тем более посылать на такое дело других. Воровство всегда вызывало у нее неприятное, глубинное ощущение гадливости, от которого ей не удавалось избавиться. Правда, живя среди воров, выбирать не приходилось. Дэнни пыталась намекнуть Даггеру, что на его положение вожака она не претендует, но это не помогло.

Она могла бы солгать Даггеру, объяснить, что ее увезли из таверны в тюрьму, а она сумела сбежать, а по пути домой заблудилась. Даггер не имеет права выгонять ее из банды только потому, что ей подстроили ловушку! Дэнни решила ждать и надеяться на лучшее.

Ее тревожил не только предстоящий трудный разговор с Даггером. Еще одной причиной был лорд Мэлори. Рядом с ним Дэнни теряла способность даже дышать, не то что рассуждать здраво. Мало того, при виде этого человека у Дэнни душа уходила в пятки: он гипнотизировал ее взглядом.

Никогда в жизни Дэнни не встречала подобных мужчин и даже не предполагала, что такие бывают. Он был не просто хорош собой. Дэнни не могла подобрать слов, чтобы описать его внешность. Пожалуй, правильно было бы сказать, что лорд Мэлори по-мужски красив, и от этого удивительного сочетания у нее захватывало дух.

Непонятно, как в таком смятении она вообще сумела разговориться с ним. При этом Дэнни точно знала, отчего у нее колотится сердце и дрожат пальцы. Она испытывала к лорду Мэлори плотское влечение, чего раньше с ней никогда не случалось. Мужчины пробуждали в ней любопытство, хотя оно, как правило, было мимолетным. Играя роль мужчины, Дэнни была вынуждена подавлять в себе неуместные желания, и это ей легко удавалось. Но только не сегодня. Этим и пугал ее лорд Мэлори.

Целых пятнадцать лет, всю свою жизнь, с тех пор как Дэнни себя помнила, она стремилась избежать участи Люси. Стремилась всеми силами только по одной причине: чтобы не стать потаскухой. Своего мнения об этом ремесле Дэнни не изменила. Люси быстро смирилась, да и раньше не протестовала, а Дэнни считала, что худшего унижения нельзя и представить.

Случись такое с ней, ее жизнь будет кончена, и не в переносном смысле – Дэнни давно решила: лучше умереть с голоду где-нибудь в глухом переулке, чем отдаться незнакомым людям за плату. Но вдруг появился мужчина, с которым Дэнни была бы не прочь сблизиться. Мало того, он смотрел на нее так, словно знал ее тайну, мог заглянуть в самую глубину ее души, а главное – изнемогал от желания дотронуться до нее. Конечно, у Дэнни просто разыгралась фантазия, но она никак не могла избавиться от ощущения, что он все знает. А когда на его лице возникала чувственная улыбка, сердце Дэнни неудержимо таяло.

Этот наверняка «милочко». Словечко Люси. Всех мужчин она относил к той или иной породе – в зависимости от того, как они овладевали ею. Породам она давала уничижительные названия, среди них попадались и более чем красноречивые – например, «щекотуны» или «зверюги». «Торопыг» Люси особенно любила: они почти не отнимали у нее времени, справлялись со своим

делом за пять минут и не успевали ни поздороваться, ни попрощаться. А вот «милки», говорила Люси – редкие птицы: они умеют не только наслаждаться, но и дарить удовольствие.

Он очень опасен, этот лорд Мэлори. Опасен для сердца Дэнни, ее душевного покоя и ее будущего. Чем скорее они увидятся в последний раз... нет, лучше бы им никогда не встречаться.

Глава 4

Поручение, которое дали Дэнни молодые лорды, казалось сущим пустяком по сравнению с ее тревогами, поэтому она и не сомневалась в том, что справится. Почти все окна огромного особняка были распахнуты настежь. Дэнни выбрала окно на торцевой стене особняка, забралась в дом, прокралась по коридору и поднялась по устланной ковром лестнице.

Все лампы были погашены, но в открытые окна ярко светила луна. Впрочем, Дэнни не нуждалась в освещении: она привыкла к крошечной темноте. Окно в конце коридора на верхнем этаже тоже было открыто.

Повсюду попадались закрытые двери. В таких громадных домах Дэнни еще никогда не бывала. Заметив, что по одну сторону коридора дверей больше, чем по другую, она рассудила, что за ними скрываются комнаты разного размера, а среди них и спальня хозяина.

Она не ошиблась: комната, которую она искала, обнаружилась уже за второй из приоткрытых дверей. В пользу догадки Дэнни говорили и размеры спальни, и едва различимая фигура на кровати. Хеддингс крепко спал, оглашая комнату гулким храпом. Дэнни досадливо поморщилась. Она гордилась своим умением ступать бесшумно, по-кошачьи, но здесь она могла не осторожничать: Хеддингс все равно заглушал любые звуки.

Она двинулась напрямик к высокому бюро. Во втором ящике обнаружилась шкатулка с драгоценностями – большая, едва помещающаяся в ящике. Шкатулка была не заперта и вообще не имела замка. Очевидно, лорд Хеддингс свято верил

в то, что в собственном доме ему ничто не угрожает.

Подняв крышку шкатулки, Дэнни чуть не ахнула от сияния не только колец, но и браслетов, брошей, даже ожерелий. Почти все украшения были женскими. Карточные выигрыши? Впрочем, Дэнни было все равно.

Шкатулку Дэнни решила не брать, рассудив, что та слишком громоздкая и вынуть ее из ящика бюро будет нелегко. Сверкающими драгоценностями Дэнни набила карманы сюртука. Закончив, она пошарила ладонью по бархатному дну шкатулки, проверяя, не забыла ли какую-нибудь невзрачную безделушку. Не хватало еще выяснить, что среди награбленного нет фамильных реликвий Перси, и снова явиться сюда.

С этой мыслью Дэнни обыскала остальные ящики, но не нашла ничего достойного внимания. В ящиках письменного стола лежали только бумаги. Наконец Дэнни занялась туалетным столиком, где обнаружились толстая пачка купюр, золотые часы-луковица и еще одно кольцо, закатившееся за флаконы с одеколоном, будто его в досаде швырнули на столик. Все эти ценности Дэнни тоже прихватила, запихав деньги в карманы брюк: карманы сюртука уже переполнились.

Больше искать было негде. У ночных столиков по обе стороны кровати не было ящиков, мимо книжного шкафа Дэнни прошла равнодушно, уверенная, что человек, который держит в незапертом бюро драгоценностей на тысячи фунтов, вряд ли станет прятать что-нибудь среди книг.

С облегчением вздохнув, она уже повернулась к двери, но Хеддингс вдруг закашлялся. Дэнни пригнулась, спряталась за спинку кровати. Кашель был надрывным и мог разбудить хозяина спальни. А если ему вздумается выпить воды из кувшина, стоящего в другом углу? Дэнни надеялась, что в случае чего успеет юркнуть под кровать.

Кашель усилился. Похоже, хозяин дома поперхнулся. У Дэнни мелькнула страшная мысль, что он захлебнется и умрет, а ее отдадут под суд, признают виновной в убийстве и приговорят к повешению. Ладони миглом взмокли. Может быть, стоит помочь ему? Но страх парализовал Дэнни, а вскоре она поняла, что ничего глупее нельзя было и придумать.

Она подождала еще минуту и убедилась, что Хеддингс мирно спит. Гулкий храп на мгновение показался ей чудеснейшим из звуков. Но вскоре от него вновь зазвенело в ушах и закипело раздражение, и Дэнни поспешила покинуть спальню.

Внизу по-прежнему было тихо. Дэнни проскользнула в комнату, через которую забралась в дом, и кто-то вдруг прижал ее к широкой груди, зажимая рот ладонью. И напрасно: от испуга Дэнни не смогла бы издать ни звука. Она чуть не лишилась сознания...

И вдруг знакомый голос прошептал:

– Какого дьявола ты там так долго возился?

Он! Ее облегчение длилось всего секунду, потом уступило место бешенству. Дэнни вырвалась, оскалила зубы и яростно зашептала:

– Вы что, рехнулись? Что вам здесь надо?

– Я боялся за тебя, – последовал возмущенный ответ.

Дэнни приглушенно фыркнула. Наглая ложь! Он боялся, как бы она не удрала вместе с награбленным.

– Захотите снова напугать кого-нибудь до смерти, пугайте себя. С меня хватит.

– Кольца нашел?

– Об этом потом, – отмахнулась она. – Сначала надо выбраться отсюда.

– Верно, – согласился он, а Дэнни уже направилась к окну и по пути вдруг запнулась о край ковра.

Падение потрясло ее. Неуклюжей она никогда не была, да и ковер лежал ровно. Наверное, угол ненароком завернул Мэлори. Пытаясь удержать равновесие, Дэнни ухватилась за стоящий рядом высокий пьедестал с каким-то бюстом. Тяжелый пьедестал выдержал и помог выстоять ей, но бюст покачнулся и

рухнул на пол.

Дэнни мысленно застонала. В ночной тишине такого грохота хватило бы, чтобы разбудить мертвого, не то что слуг, спящих на том же этаже. Обернувшись, чтобы велеть Мэлори немедленно бежать, она увидела, что в дверях стоит незнакомец и целится из револьвера в ее спутника.

От ужаса у Дэнни перехватило дыхание. Вооруженный незнакомец был полностью одет – вероятно, он подроспел еще до того, как бюст ударился об пол. Наверное, Мэлори разбудил его, когда пробирался в дом.

Незнакомец был вправе пристрелить обоих незваных гостей на месте, не разбираясь, кто они и что здесь делают. Так поступила бы и сама Дэнни, застав в собственном доме среди ночи двух чужих мужчин.

Мэлори стоял спиной к двери. Он метнулся вперед, чтобы поддержать Дэнни, но помедлил, увидев, что с ней все обошлось. Он по-прежнему смотрел на нее, но уже при свете: незнакомец держал в руке лампу. А до Мэлори, похоже, не доходило, что в комнате вдруг стало светлее.

– Не оборачивайтесь! – прошипела Дэнни еле слышно. – Если вас узнают – беда. Лучше бы выстрелил!

Собравшись с духом, она жестом велела Мэлори посторониться и сказала незнакомцу:

– Приятель, револьвер здесь ни к чему. Мы просто искали, где бы переночевать. Наша карета сломалась в соседнем лесу. Милорду показалось, что в вашем доме он когда-то бывал. Но он пьян в дым, так что не удивлюсь, если он ошибся. Мы стучали, но нам никто не открыл. А милорду море по колено: решил, что мы войдем сами и завалимся спать в гостиной – Хеддингс, мол, и слова нам не скажет. Так что, мы ошиблись? И здесь живет не Хеддингс?

Напряжение мгновенно исчезло с лица незнакомца. Он опустил револьвер, хотя и не убрал его. Дэнни сочла, что терять им уже нечего.

– Он все твердил, что это я виноват, раз у кареты отлетело колесо, а я еще месяц назад говорил ему: менять пора колеса, колымага того и гляди развалится. Конечно, ему легко спускать все до последнего гроша на девиц да карты, а про мое жалованье и не вспоминает!

Незнакомец кашлянул.

– Может, не стоило говорить все это при нем?

Дэнни удалось рассмеяться.

– Да он еле на ногах стоит! Утром и не вспомнит ничего. Ума не приложу, как он еще не свалился.

– Кто он?

Такого вопроса Дэнни не ожидала, но нашлась мгновенно, вспомнив, как здесь очутилась:

– Лорд Кэрриуэй[1 - От англ. carry away – увозить.] из Лондона.

– Ну и пусть бы проспался в карете, – продолжал разговор незнакомец.

– Да мне-то что! Но в лесу я видел тени – может, звери какие, а может, и разбойники, кто их знает! Если бы милорда ограбили, он бы с меня шкуру спустил. А то и прогнал. По мне, лучше иметь работу, пусть и у лорда, который неделями не просыхает!

Последовала долгая пауза, и Дэнни уже почти не сомневалась, что незнакомец сейчас поднимет ее на смех и обвинит в наглой лжи. Она прикинула, в какую сторону бежать, а потом задумалась, сумеет ли пронырнуть между ног незнакомца, застав его врасплох.

– Сможешь втащить его наверх? – спросил незнакомец. – Там у нас несколько свободных комнат для гостей. И диван для тебя найдется.

Дэнни никак не ожидала, что ей поверят. Вероятно, ее собеседник сам был лакеем или дворецким и потому побоялся вышвырнуть знатного лорда за порог среди ночи. Он мог бы запереть подозрительных незнакомцев до утра, а потом допросить их в присутствии хозяина. Но он, видно, был из доверчивых.

Удобный случай улизнуть через окно представился сразу же, как только незнакомец повернулся к ним спиной, показывая дорогу наверх. Но револьвер он так и не убрал. А Дэнни ничуть не хотелось получить пару пуль в спину. И потом, здесь она была не одна, и даже если бы ей удалось удрать, бросить Мэлори одного она не могла.

Слава Богу, Мэлори не издал ни звука. Если бы слуга понял, что он вовсе не пьян, все пропало бы. Либо Мэлори ловко играл навязанную Дэнни роль, либо так трусил, что лишился дара речи.

Нет, он не трус, подумав, решила Дэнни. Сегодня он не побоялся хозяина таверны – значит, не испугался и незнакомого слуги. Отчаянный смельчак – вот кто он такой. А еще шантажист, который втянул ее в эту историю.

Дэнни взвалила себе на плечо руку Мэлори, делая вид, будто помогает ему сдвинуться с места, и вдруг заметила, что в другой руке он держит пистолет. Значит, все это время он держал незнакомого слугу под прицелом! Завяжись перестрелка, они могли бы погибнуть оба!

Незаметно выхватив у Мэлори пистолет, Дэнни сунула его в карман и услышала негромкий смешок. Господи, за какие грехи ей послали этого недоумка!

Она зашипела:

– Надеюсь, пьяницу сыграть сумеете, приятель. Голову не поднимайте, чтобы вас не разглядели.

Втащить его вверх по лестнице оказалось нетрудно. В волнении Дэнни не замечала, как соприкасаются их тела, как тяжело опирается на нее Мэлори – но только когда оглядывается слуга. Остальной путь он проделал сам, даже поддерживал Дэнни, у которой от страха подкашивались ноги.

– Сюда, – сказал слуга и распахнул дверь. – Утром вашу карету починят, и поедете своей дорогой.

– Премного благодарен, приятель.

Слуга вошел в комнату следом за ними, зажег лампу и направился к двери. Оружие он выпустил из рук только на минуту, пока чиркал спичкой. Дэнни задумалась: неужели он ей все-таки не поверил? Едва дверь закрылась, она сбросила с плеча руку Мэлори и метнулась к порогу – послушать, ушел ли незнакомый слуга. И вместо удаляющихся шагов услышала негромкий щелчок ключа в замке.

Глава 5

Заперты в ожидании... что их ожидает?

Дэнни побледнела. Значит, ей не поверили. Или просто слуга оказался слишком осторожным?

Лучше бы он проявил осторожность и запер их до утра, до пробуждения хозяина. Но если он собирается караулить их всю ночь под дверью, хуже и быть не может.

Обернувшись к Мэлори, Дэнни увидела, что он с любопытством наблюдает за ней, приподняв бровь. Подскочив к нему, она прошептала:

– Он запер нас!

– Дьявол! – выпалил он.

– Точно, приятель. Так что идите-ка ложитесь и храпите погромче. Пусть подумает, что мы спим, и сам уйдет спать.

Дождаться, когда Мэлори выполнит приказ, она не стала. Снова подкравшись к двери, она легла перед ней на пол и заглянула в щель. И увидела по другую сторону двери башмаки. Слуга стоял за дверью и, должно быть, прислушивался.

Между тем в комнате было тихо. Дэнни недовольно обернулась и вопросительно уставилась на товарища по несчастью. Мэлори возвел глаза к потолку и презрительно скривился, недовольный поручением. И направился он не к кровати, а к окну – проверить, нельзя ли выбраться из дома через него. Но видимо, это было невозможно, потому что Мэлори вздохнул, сел на кровать, поерзал и издал несколько пробных звуков, напоминающих храп. Наконец удовлетворившись, он принялся нарушать тишину в комнате.

Дэнни чуть не рассмеялась. Занимаясь простейшим делом, Мэлори не скрывал отвращения. И поделом ему. Если бы он не забрался в дом, сейчас они не торчали бы здесь взаперти. Дэнни улизнула бы отсюда без труда, не поднимая шума, вместо того чтобы лежать на полу в надежде, что сон сморит подозрительного слугу и он покинет пост.

Но слуга, видно, страдал бессонницей. Пленников он явно собрался сторожить в коридоре всю ночь. Дэнни уже мерещился грохот захлопнувшейся за ее спиной двери тюремной камеры, и из глубин живота подкатывала липкая тошнота.

С нарастающим отчаянием она сама выглянула в окно. Мэлори вздыхал не зря: выбраться отсюда без веревки было невысказано. Поблизости не росло ни одного дерева, на стене не виднелось ни единого карниза или выступа.

Скрутить веревку они могли бы из разорванных на полосы простыней – эта мысль пришла в голову Дэнни, когда она вспомнила, как такими же полосами Мэлори связывал ее. Но обведя комнату взглядом, она поняла, что привязать веревку не к чему. Ни один предмет здесь не выдержит такую тяжесть, как ее спутник. Ее саму – может быть, но только не его. Можно обвязать веревкой ножки кровати, но кровать узкая и слишком легкая, с деревянной рамой. А если попытаться придвинуть кровать к окну, наверняка поднимется шум.

Внезапно Дэнни осенило: слуга ждет, когда погаснет лампа! В досаде она была готова лягнуть сама себя. Ее пьяный «хозяин» мог завалиться спать и при свете, но зачем понадобился свет трезвому «слуге», которому так не терпелось вздремнуть? Надеюсь, что именно так и рассуждал их тюремщик, Дэнни

погасила лампу, и точно: не прошло и десяти минут, как шаги удалились по коридору и затихли на лестнице.

Все это время Мэлори так изощрялся в искусстве храпа, что Дэнни расхохоталась бы, если бы не опасалась, что здесь они застряли на всю ночь. Слуга не доверял им, иначе не простоял бы под дверью так долго. Могло быть и хуже. Слуга вполне мог разбудить хозяина, вместе с ним обнаружить пропажу и найти драгоценности в карманах Дэнни. Из такой переделки никому не выбраться.

Она зашептала Мэлори:

– Наконец-то убрался. Подождем несколько минут, когда он ляжет.

– А что потом?

– А потом отопрем замок и удерем.

– Ты умеешь?

Дэнни фыркнула.

– А как же! И всегда держу при себе отмычку.

Она вынула из шляпы толстую булавку и принялась ковырять в замке. Открыть его оказалось пустяковым делом. Как любой замок в спальне.

Не прошло и нескольких секунд, как Дэнни объявила:

– Готово. Выйдем через парадную дверь. Раз слуга знает, что мы были здесь, можно оставить ее незапертой.

По дому она прокралась, не оглядываясь и не проверяя, следует ли за ней Мэлори. Едва очутившись снаружи, она сорвалась с места и остановилась, только добежав до леса. Но лишь затем, чтобы перевести дух и осмотреться. Заметить фонари кареты в густой листве удалось не сразу. К тому времени, как Дэнни разглядела их, ее догнал Мэлори.

Всю оставшуюся дорогу до кареты он вел ее за локоть. Дэнни попыталась вырваться, но ее спутник только крепче сжал пальцы. Он явно не доверял ей и подозревал, что она готова сбежать вместе с драгоценностями.

Поскольку на этот раз рядом не было вооруженного слуги, близость Мэлори показалась Дэнни невыносимой. Взвалить его руку на плечо раньше, когда они поднимались по лестнице в доме Хеддингса, ее заставил леденящий ужас. Но теперь от него не осталось и следа. А длинное тело Мэлори опять прижималось к ней, она ощущала прикосновение его сильной ноги, бедра, груди, понимала, что идеально помещается у него в руках, чувствовала жар, исходящий от мужского тела – или от ее собственного? И невольно вспоминала, как дьявольски он красив, хотя в лесной темноте не могла разглядеть лица. Ей вдруг представилось, как в карете он скользил по ее телу взглядом манящих синих глаз, словно заглядывал ей в душу.

Если бы Мэлори остановился и повернулся к ней, она была бы готова на все. Ее сердце колотилось так гулко, что стук отдавался в ушах. Сейчас он остановится и прильнет к ее губам. Ее первый поцелуй – с самым прекрасным мужчиной на свете! Удовольствие должно быть неземным. Зная это, Дэнни тяжело дышала и дрожала от предвкушения.

Но Мэлори втолкнул ее в карету, остановившись только затем, чтобы распахнуть дверцу.

Донельзя разочарованная, но не желающая признаться в этом, Дэнни с недовольной гримасой плюхнулась на сиденье и зло уставилась на усевшегося напротив Мэлори. Сильнее всего она злилась на него за то, чего не произошло – точнее, произошло, но лишь в ее воображении. Но это не помешало ей мысленно возмущаться. А Мэлори ни о чем не подозревал. Кислую мину Дэнни он наверняка приписал чуть не сорвавшемуся ограблению.

– Ну и с чего это взбрело вам в голову? – спросила она. – Мы попались из-за вас, ясно? Если вы сумели пробраться в дом, могли бы и кольца забрать сами. Зачем вам тогда понадобился я?

– А в чем дело? – осведомился Перси, но ему никто не ответил.

– Ты не возвращался слишком долго, – хмуро возразил Мэлори. – Вот я и отправился за тобой.

– И десяти минут не прошло!

– Зато эти десять минут были бесконечными. Но сейчас это уже не важно.

– Из-за вас нас всех могли убить! Это тоже не важно?

– Что все-таки случилось? – снова вмешался Перси.

– Ничего такого, с чем не сумел бы справиться этот малый, – объяснил Мэлори и обратился к Дэнни, еще не успевшей загордиться от неожиданного комплимента: – Выкладывай, что принес. Посмотрим, стоила ли игра свеч.

– Сначала велите кучеру трогать, – возразила Дэнни, слегка смягчившись от признания Мэлори: с таким же успехом он мог напрямик заявить, что она спасла ему шкуру. – Задерживаться здесь опасно.

– Разумно, – согласился Перси и постучал в потолок кареты, подавая кучеру сигнал возвращаться в город. – Ну, не томите же!

Лорд Мэлори молчал, а Дэнни принялась выкладывать содержимое карманов на сиденье. Всю добычу, в том числе и пачку купюр, она сгребла в охапку и переложила на сиденье между двумя спутниками. И даже вывернула карманы, показывая, что больше у нее ничего нет.

Перси сразу высмотрел в куче какое-то кольцо древнего вида и схватил его с ликующим «Господи Боже мой, это оно!». Злополучную реликвию он одарил поцелуем, а потом с неприличной поспешностью надел на палец.

– Юноша, вы себе представить не можете, как я вам признателен! Вы... – Поток благодарностей внезапно прервался: Перси снова порывисто склонился над грудой драгоценностей. – А вот и второе! – объявил он, выуживая второе кольцо.

– Мы благодарны тебе, парень, – закончил его мысль лорд Мэлори.

- В вечном долгу, – поправил Перси, широко улыбаясь Дэнни.
- Я бы не заходил так далеко, – предостерег Мэлори.
- Говори за себя, старина. Тебе-то не приходилось прятаться от родной матери.
- У меня ее нет.
- Тогда от Джордж.
- Логично, – ухмыльнулся Мэлори.
- От Джордж? – недоуменно переспросила Дэнни.
- Это моя мачеха.
- Ее зовут Джордж? – изумилась Дэнни.

Молодой лорд весело рассмеялся, его кобальтовые глаза заискрились.

- Точнее, Джорджина, но отец сократил ее имя вопреки всем правилам. Такая у него привычка, видишь ли.

Дэнни ничего не видела и не желала видеть. Она сделала то, о чем ее просили, вернее, чего у нее требовали. И больше не хотела иметь с этими господами ничего общего. Лишь бы ее отвезли домой, к Даггеру. Чтобы поскорее узнать, есть ли у нее еще дом.

Вспомнив о предстоящей взбучке, Дэнни помрачнела. Но ее спутники ничего не заметили. Их взгляды были прикованы к сверкающей груди.

Перси вытащил из нее овальный кулон, усеянный изумрудами и бриллиантами.

- Знакомая вещица, да? – спросил он друга.

– Несомненно. Я не раз восхищался бюстом леди Кэтрин, когда его украшал этот кулон.

– Вот бы не подумал, что она играет в карты да еще ставит на кон свои бриллианты!

– Она и не ставит. Я слышал, этот кулон украли у нее несколько месяцев назад, в Шотландии.

– Ты меня разыгрываешь, дружище?

Мэлори нахмурился:

– Нет. И этот браслет мне знаком. Могу поручиться, что кузина Диана надевала его на прошлое Рождество. Правда, о пропаже она не упоминала, но мне доподлинно известно, что в азартные игры она никогда не играет.

– Так ты хочешь сказать, что лорд Хеддингс – вор?

– А что тут еще скажешь?

– Но это же замечательная новость! Ты не представляешь, как я раскаиваюсь в том, что смотрел сквозь пальцы на эти отвратительные преступления.

Мэлори заметил, что при этих словах Дэнни страдальчески закатила глаза. И сам с трудом удержался от усмешки. Но следующий вопрос Перси отрезвил молодого лорда:

– Но как же нам теперь быть?

– Тут мы ничего не сможем поделать, не подставив под удар себя и нашего юного друга.

– Очень жаль. Прискорбно видеть, как воры выходят сухими из воды, не поплатившись за... – Перси перехватил многозначительный взгляд Дэнни и закашлялся. – Разумеется, я не имел в виду присутствующих.

– Вы про себя? – съязвила Дэнни. – Выкрасть эти побрякушки предложил не я.

– Совершенно верно. – Перси густо покраснел.

Но лорд Мэлори спас его, недовольно напомнив:

– Действительно, ты только пожелал опустошить наши карманы в таверне. Но вспоминать об этом не обязательно.

Казалось, ярким румянцем сразу двух пассажиров кареты можно разжечь жаровню. Дэнни предпочитала, чтобы последнее слово оставалось за ней. Но в нынешних обстоятельствах решила воздержаться от ответа.

Этот красавец не только ловок, но и недоверчив, иначе не последовал бы за ней в дом, чтобы не дать ей сбежать. А еще он хитер и умен. Дэнни уже не сомневалась, что эта кража – его затея.

Жаль. Лучше бы он был таким же легковверным, как его друг. Впечатление простака, которого легко обвести вокруг пальца, он производил лишь в первые минуты знакомства. Если бы не он, Дэнни сумела бы выпутаться из этой истории. И улизнула бы в два счета, если бы Мэлори не был так чертовски привлекателен. Рядом с ним у нее путались мысли, особенно под пристальным взглядом его ярко-синих глаз. Все ее хитрость и ум куда-то улетучились, а она превратилась в растерянную и неуклюжую дуреху и чувствовала себя не в своей тарелке.

Глава 6

Возвращение в столицу по какой-то причине заняло гораздо больше времени, чем поездка в поместье Хеддингса. У Дэнни не было часов, но она не удивилась бы, увидев, что за окном уже светает. Она изнемогала от усталости и непривычных волнений. И от голода. А дома ей еще предстоял нешуточный скандал.

Самое лучшее, если Даггер спит, – тогда и ей удастся вздремнуть. На свежую голову легче выдумывать оправдания или даже махнуть рукой на

правдоподобность и лгать.

Перси преспокойно уснул. Дэнни хотела бы последовать его примеру, но не решилась, поскольку лорд Мэлори спать не собирался. Нападений с его стороны Дэнни не боялась – просто хотела оставаться начеку и улизнуть при первом же удобном случае, как только карета приблизится к знакомым местам.

Дэнни твердо знала, что ее отпустят, ведь свою работу она выполнила, но сомневалась в том, что ее привезут туда же, откуда увезли. Зачем им делать такой крюк, да еще по трущобам? А если ее высадят в незнакомом районе, она мигом заблудится и проплутает полдня. Дэнни выросла в Лондоне, но город был огромным, а она хорошо знала лишь те места, где часто бывала.

Неладное она почуяла в ту же секунду, как встретилась взглядом с лордом Мэлори. Его глаза подтвердили ее догадку. Он что-то задумал. Слишком уж пристально он смотрел на нее.

– Кстати, где ты оставил обувь?

Вопрос изумил Дэнни. Совсем не этого она ожидала, поглядывая на глубокомысленные морщины у него на лбу. С другой стороны, странно, что он только теперь вспомнил об обуви и ей пришлось идти по лесу в носках. А еще раньше Мэлори связывал ей ноги. Если он не слепой, он должен был заметить, что обуви на ней нет.

– Вот мои башмаки, – ответила она, поднимая ногу и показывая мягкую кожаную подошву, пришитую к носку.

– Оригинально.

Дэнни слегка покраснела, но только потому, что искренне гордилась своей импровизированной обувью. Она смастерила ее сама. Были у нее и обычные башмаки – расхаживая по городу днем в носках, она неизбежно привлекала бы внимание. Носки с кожаной подошвой она надевала, только когда шла на дело.

– Можно взглянуть? – спросил Мэлори.

Дэнни поспешно спрятала ноги под сиденье, как можно дальше от Мэлори, и ответила ему воинственным взглядом. Он только пожал плечами. И снова удивил ее, продолжая:

– А ты неплохо соображаешь! Ловко ты придумал, как вывернуться, да еще стоя под прицелом. Лорд Кэрриуэй, надо же! – И он усмехнулся.

Дэнни пожала плечами:

– Подошло, вот и все.

– Да уж, – согласился Мэлори, любопытство которого не угасало. – И часто ты попадаешься? И спасаешься благодаря хорошо подвешенному языку?

– Нет. Меня еще ни разу не ловили... до этой ночи. А сегодня сцапали дважды, и все из-за вас.

Мэлори негромко кашлянул. Не напомнив, кто и в чем виноват, он перешел к делу.

Взяв из груды драгоценностей кулон и браслет, о которых недавно шла речь, он сказал:

– Я хотел бы вернуть эти вещи законным владелицам – разумеется, анонимно. – Он прокашлялся и почти смущенно добавил: – Ты не возражаешь?

– С какой стати?

– Но ведь эта куча твоя.

Дэнни фыркнула. Она уже решила, что не возьмет ни единой побрякушки. Слишком уж свежи в памяти были страшные, хоть и воображаемые, картины суда и смерти на виселице. А теперь, узнав, что драгоценности дважды краденные, она утвердилась в своем решении и напрямик заявила о нем:

– Одно дело – сбывать то, что украли в первый раз, пока хозяева не успели спохватиться. Но иметь дело с дважды краденным – все равно что самому

сдаваться полиции. Эти вещи уже разыскивают, если не все, то некоторые. Лучше я выброшу их в окно, чем прикоснусь к ним снова.

Мэлори покачал головой:

– Так не пойдет. Тебе пообещали целое состояние...

– Хватит об этом, приятель. Если я чего-нибудь захочу, то скажу.

Господи, его взгляд снова стал чувственным, обжег ее, лишил воли и спутал мысли! Если она осмелится в эту минуту открыть рот, то ляпнет безнадежную глупость. Но как ему удастся подчинить ее себе одним взглядом? Что такого она сказала или сделала? Может, все дело в этом «захочу»? Значит, он догадался, кто она такая... но ведь этого не может быть! Этого не знает никто. И для него это тайна. Она уже давно отвыкла вести себя как женщина. Слишком долго она играла мужскую роль, знала, чем может выдать себя, и не допускала ошибок.

Мэлори снял ее с крючка, притушив страстный блеск глаз. Почему она вдруг съежилась? Он взял с сиденья пачку банкнот, провел по ним большим пальцем и бросил на прежнее место.

– Здесь и сотни фунтов не наберется, но думаю, на первое время хватит.

Почему он так уверен, что они еще увидятся?

– Таких деньжищ сразу я еще никогда не видел, – поспешила заверить Дэнни. – Мне хватит.

Он только улыбнулся. Дэнни повернулась к окну. И изумленно вытаращила глаза, обнаружив, что карета уже катится по Лондону.

Улиц она не узнавала, но все-таки попросила в отчаянии:

– Высадите меня здесь, приятель. Дальше я доберусь сам...

– Ни в коем случае, малый. Я доставлю тебя прямо к двери и, если понадобится, объясню, где ты пропадал, чтобы тебе не влетело. Но сначала отвезем домой

Перси. Это недолго.

А потом она останется наедине с ним, и он опять будет раздевать ее взглядом? Ни за что!

– Да я приврал, – притворно-небрежным тоном объяснила она. – За такую добычу мне простят все.

– Я настаиваю, – заявил Мэлори, не купившись на ложь. – Меня замучит совесть при мысли, что из-за нас поплатился ты.

– Какое мне дело до вашей совести? – огрызнулась Дэнни. – Вы позабавитесь, а мне потом расхлебывать. Нет уж, хватит с меня. А о том, чтобы я привел вас туда, где мы живем, даже не просите. Изобьют до полусмерти и выбросят умирать в глухой переулок, и то если повезет.

– Ты ждешь побоев за...

– Не меня, – перебила она многозначительно.

Мэлори хмыкнул:

– Ладно, я все понял. Но до таверны я тебя провожу. Это самое меньшее, что я обязан сделать.

Дэнни понимала, что такой малостью он не удовлетворится, поэтому твердо заявила:

– Нет.

– А я и не прошу разрешения, любезный.

Дэнни открыла рот, готовая разразиться бранью, сообразила, что этим ничего не добьется, и решила приберечь силы на всякий случай.

Дэнни пришлось долго ждать, когда Мэлори отвернется. Наконец дождавшись, она не стала терять ни секунды: метнулась к дверце кареты, распахнула ее и бросилась в переулок.

Как она и рассчитывала, бегство прошло успешно – разве что она не пригнулась в дверях кареты. В экипажах Дэнни ездила нечасто, а в таких роскошных – никогда, поэтому забыла про свой рост и невысокую дверь. Ей еще повезло: от удара она потеряла только шляпу, а не сознание.

Шляпы ей было жалко. Этим трофеем, отвоеванным в драке в прошлом году, Дэнни гордилась. Шляпа придавала ей «шикарный», по ее мнению, вид, а это льстило ее женскому тщеславию. Теперь шляпа лежала на полу кареты, и о том, чтобы ради шляпы встретиться с ее пассажиром, не могло быть и речи.

Переходить на шаг она пока не решалась, тем более что задохнуться не успела. Но через квартал рассудила, что лучше все-таки не доводить себя до изнеможения, и тут услышала за спиной чьи-то быстрые шаги. Оглянулась и снова припустила во весь опор.

Дэнни просто не верила своим глазам. Проклятый богач гнался за ней! И быстро нагонял. Но ведь он должен был давно задохнуться, выбиться из сил и отстать!

Зачем она ему? С делом они покончили. Дэнни выполнила все, что от нее требовали, а ее доставили обратно в Лондон. Какого же черта он рвался отвезти ее домой, хотя она вовсе не желала показывать, где живет?

Проклятый лорд гнался за ней еще три квартала! Дэнни уже едва дышала. Со своими длинными ногами он медленно и неуклонно настигал ее. Она была уже готова сдаться и остановиться, но вдруг за углом поравнялась с приближающимся кебом. За те несколько секунд, пока Мэлори не видел ее, Дэнни успела нырнуть под кеб, ухватиться за его раму и упереться во что-то ногами. Повиснув над самой мостовой, она с нетерпением ждала, когда ноги Мэлори пробегут мимо.

Под кебом Дэнни проехала несколько кварталов. Мэлори продолжал преследование, но теперь они удалялись друг от друга, расходились в противоположные стороны. Дождавшись, когда кеб свернет за угол, Дэнни выскочила из-под него.

Она по-прежнему тяжело отдувалась, сердце колотилось, голод стал почти нестерпимым, усталость навалилась мгновенно. Если бы Дэнни не боялась отдалить возвращение домой, она забрела бы в глухой переулок, забилась в какой-нибудь угол и проспала весь день.

Конечно, она заблудилась – в этой части города она еще ни разу не бывала. Она то и дело ловила любопытные взгляды. Без шляпы ее шапка блестящих светлых кудрей выделялась в толпе, как маяк, особенно с темно-зеленым бархатным сюртуком. Замечая, как вслед ей оборачиваются, Дэнни чувствовала себя неловко.

Лишь спустя час она нашла знакомый ориентир, перестала бродить кругами и двинулась в верном направлении. Еще через полтора часа она доковыляла до дома, полумертвая от усталости.

По пути домой Дэнни не покидало ощущение, что ее преследуют. Она твердо знала, что сумела улизнуть от Мэлори, но это был не он. Оглядываясь, она видела незнакомых людей, занятых своим делом. Но повсюду было полно переулков и тупиков, в которых легко мог скрыться тот, кто решил проводить ее до дома. Наконец Дэнни разозлилась, выругала себя за глупость и решила, что усталость и воображение сыграли с ней шутку.

А еще ее грызла тревога. Наверное, поэтому она то и дело вздрагивала и ей мерещилось невесть что. Тревога усиливалась по мере приближения к дому, потому что Дэнни уже всерьез сомневалась, что у нее есть дом.

Тайрус Дайер не верил своим глазам. Должно быть, он свихнулся. Ведь он твердо знал: за столько лет эта женщина просто не могла не постареть! Значит, перед ним либо призрак, либо девчонка, которую он считал мертвой. Если же это не она, стало быть, он спятил. Оставалось признать, что девчонка выжила. И выросла точной копией матери.

Тайрусу посулили щедрую награду за убийство всех троих – девчонки, ее матери и отца. Разделаться с отцом было проще простого. И его дочку Тайрус без труда отправил бы на тот свет, если бы не нянька, которая отбивалась, как демон. Тайрус уже думал, что смертельно ранил ее, а она ухитрилась схватить его дубинку и оглушить его! Без чувств он провалялся недолго, а за это время нянька успела увести девчонку из дома и где-то спрятать.

Нигде не найдя беглянок, Тайрус решил, что они забились в какую-нибудь дыру и испустили дух – значит, трупы никто не найдет. Но тому, кто задумал убийство, этого было мало. Здесь были замешаны большие деньги, и тот тип так разозлился на Тайруса, что не заплатил ему и даже попытался пристрелить. Тайрус предвидел это, сумел увернуться от пуль и бежал.

Однако вскоре пришла очередь Тайруса злиться на себя. Одно за другим он упустил прибыльные предложения. Удача повернулась к нему спиной – казалось, это над ним насмехается злополучная сделка, условия которой он не выполнил. Как бы там ни было, он испортил все дело. С тех пор его вышвыривали, не заплатив, так часто, что он сбился со счета.

И вдруг ему представился случай отомстить злой судьбе. Зло перестало быть иллюзорным, обрело плоть и кровь. Ему дали еще один шанс. Тут требовалось как следует подумать. Поспешив, он мог окончательно все испортить. Зато он выяснил, где она живет. Кто бы мог подумать, что все эти годы она скрывалась в трущобах! Он еще вернется...

Глава 8

Последняя надежда на то, что Даггер спит, улетучилась бесследно. Солнце давно уже взошло. И Даггер восседал за кухонным столом, попивая чай, который заварила ему Нэн. В комнате сидели шестеро детей, не считая пары спящих. Заметив, каким взглядом Даггер встретил Дэнни, все дети дружно заспешили во двор.

Дэнни добрела до кухни и плюхнулась на стул напротив Даггера.

Внешне он был невзрачным, но длинный шрам на подбородке и короткий под левым глазом придавали ему злобный вид. Длинные темные волосы были встрепаны, глаза налились кровью. Осунувшийся и желтый, в эту минуту Даггер выглядел таким же усталым, как Дэнни. Она догадалась, что он совсем не ложился спать, ожидая ее. И не потому, что беспокоился. Когда Дэнни не вернулась к назначенному часу, Даггер понял, что у него появился повод избавиться от нее. Он был неглуп. В противном случае Дэнни без труда заговорила бы ему зубы.

Она слишком измучилась, чтобы выкручиваться и лгать. И опасалась запутаться. Не давая Даггеру открыть рот, Дэнни вытащила из кармана пачку купюр и швырнула ее на стол. Еще никто в шайке не возвращался домой с такой добычей. Сотня фунтов – целое состояние даже для Даггера. Дэнни надеялась этим смягчить его. Но напрасно. На деньги он едва взглянул. А Дэнни с запозданием поняла, что допустила ошибку: Даггер наверняка сочтет, что правила она нарушила умышленно.

– Ты меня выслушаешь, Даггер? – спросила она. – Вчера у меня не было выбора.

– Я знаю, что тебя сцапали, а еще мне известно, что в тюрьму ты не попал.

– Это была ловушка. Им был нужен вор.

– Ты же знаешь правила, так почему не отказался?

– Как я мог отказаться, если меня связали и увезли? – возразила Дэнни.

– Но рано или поздно тебя должны были развязать, – напомнил Даггер, многозначительно взглянув на деньги. – Мог бы удрать.

В его словах была логика. Дэнни устало объяснила:

– Тогда я заблудился бы в лесу и нипочем не добрался до Лондона.

– Ты уезжал из Лондона?!

От этого вопля Дэнни поморщилась.

– Потому и не смог сбежать сразу. Из Лондона я никогда не уезжал. Мне понадобилась бы целая неделя, чтобы добраться до дому. А они поклялись, что отвезут меня домой, если я ограблю одного лорда.

– Лорда? – Этот возглас прогремел громче. – Еще скажи, что в его собственном доме!

Дэнни представился случай соврать – так ей и следовало поступить. В конце концов, это правило было главным. Но по вопросам Даггера она уже поняла, что такой ответ мало что изменит.

– Собирай свое барахло и выметайся отсюда. Это последнее правило, которое ты здесь нарушил.

Дэнни не дрогнула. Она заранее знала, что именно услышит, несмотря на все оправдания, и не ошиблась. Но она не ожидала, что у нее вдруг сдавит грудь, а в горле вырастет ком. Целых пятнадцать лет Даггер заменял ей семью. Обиднее всего было видеть, как бестрепетно он ее выставляет.

Лить слезы она не собиралась. Плакать позволено женщинам. Или детям, а она уже давно не ребенок. Ей положено вести себя по-мужски, вот она и старалась. И все-таки не выдержала и поспешно отошла от стола, пока Даггер не заметил влажный блеск в ее глазах.

В большой комнате она направилась напрямик к своему тюфяку. Туго скатывая тюфяк, Дэнни не представляла, где и когда разложит его в следующий раз. Рядом валялся ее почти пустой мешок. В нем Дэнни держала единственную смену одежды. Своего любимца в коробке она сунула в мешок, чтобы было удобнее нести.

Двое детей, которых Дэнни застала спящими, от шума проснулись, сели на тюфяках и расплакались. Проходя мимо, Дэнни торопливо обняла их по очереди. В любое другое время она попыталась бы подбодрить их, но сейчас ей мешали вставший в горле ком и подкатывающие слезы.

Открыв дверь, она увидела, что остальные дети столпились во дворе. Плакали почти все: наверняка подслушали разговор под дверью и поняли, что больше с

Дэнни не увидятся. У нее разрывалось сердце. Чуть ли не всю жизнь Дэнни была кумиром этих малышей. Стоило ей позвать – и они, наверное, побежали бы за ней. Но она не могла поступить так с Даггером, хотя он и обошелся с ней сурово. Кроме этих детей, у Даггера никого не было. С болью в сердце заставив себя отвернуться, она вышла на улицу.

А ведь еще совсем недавно она собиралась уйти из шайки, найти настоящую, достойную уважения работу и больше никогда не воровать. По вине Даггера ее желание сбылось раньше, чем она думала. Дэнни надеялась, что когда-нибудь поблагодарит его за это, что рана вскоре затянется.

Вспомнив свои былые мечты о свободе, Дэнни чуть не застонала от нового взрыва душевной боли. Ей хотелось расстаться с Даггером по-хорошему, уйти так, чтобы потом навещать малышей, а может, кое-кому из них подыскать приличное место...

– Дэнни!

Вздрогнув, она обернулась и увидела, что к ней решительным шагом направляется Даггер. Боль мгновенно исчезла. В глубине души она знала, что он не сможет взять и выгнать ее. Он ее просто пугал – наказывал за нарушенные правила в назидание остальным.

Даггер подошел, и тут Дэнни заметила, что выражение его лица ничуть не смягчилось. Слабые ростки надежды поникли и увяли. Он по-прежнему злился. Таким свирепым Дэнни еще никогда его не видела.

– Хочешь знать, почему так вышло, Дэнни? – прошипел он. – Ты слишком хорош собой для мужчины. Меня тянет к тебе, и от этого я сам себе противен. Но я тебя и пальцем не трону – скорее убью, вот я и решил лучше от тебя избавиться. Ты выживешь. Я точно знаю. Я многому научил тебя. Живи где хочешь, только не здесь. А теперь уходи, пока я не передумал, – об этом мы оба пожалеем.

Дэнни могла бы сказать ему правду, объяснить, что у него нет причин презирать себя за нелепые желания. Ведь она девушка. Но такое признание наверняка привело бы Даггера в бешенство: оно означало бы, что все эти годы Дэнни водила его за нос. И потом, он только что признался, что его влечет к ней. Узнав, что на самом деле она женщина, он сначала затащит ее в свою постель, а потом

прикажет торговать своим телом. Не для того Дэнни целых пятнадцать лет притворялась мальчишкой, стараясь забыть, кто она такая!

Отвернувшись, она зашагала прочь – торопливо, чтобы случайно не проговориться, и за ближайшим углом столкнулась с Люси.

– Черт, где тебя носило, Дэнни? Я обыскала весь... что с тобой?

Этого Дэнни не выдержала. Слезы заструились у нее по щекам. Если бы не встреча с Люси, она сдержалась бы, подавила рыдания, постаралась поскорее уйти от бывшего дома. Но Люси, ее сестра, мать, единственная подруга...

– Выставил? – сразу догадалась Люси. – Выгнал вон? – Дождавшись, когда Дэнни кивнет, она продолжала: – Ну и чего ты ревешь? Это же твой шанс чего-нибудь добиться в жизни. Помнишь, ты хотела выйти замуж, родить детей, вырастить их? Ты же мечтала об этом. А здесь тебе такое не светит.

– Знаю, – всхлипнула Дэнни, с трудом вытолкнув из сжавшегося горла единственное слово.

– Тогда выше нос! – Но несмотря на всю лихость, Люси сама чуть не плакала. Сдерживаясь, она отвернулась.

– Как только устроюсь, я тебе сообщу, – пообещала Дэнни.

– Не забудь, а то я изведусь. А теперь беги. Удачи тебе, Дэнни. Верь в нее.

Дэнни попыталась хоть на миг поверить, что ей повезет, но не смогла. Она торопливо зашагала прочь. Расставание с Люси причинило ей боль, какой она никогда не испытывала. Но не успела Дэнни пройти и нескольких шагов, как Люси догнала ее, положила ладонь на плечо и остановила на минуту.

– Будь собой, крошка Дэнни, – прошептала Люси сквозь слезы, крепко обнимая подругу. – Давно уже пора. Просто будь собой, и у тебя все получится.

Глава 9

– У меня пакет для лорда Мэлори. Не знаете, случаем, где его найти?

– Кажется, какие-то Мэлори живут на Гросвенор-сквер.

– А где это?

– Недавно в городе?

– Что, так заметно?

Смешок.

– Гросвенор – это к северу отсюда. Пройдешь квартал, повернешь направо и шагай до богатых домов.

Хорошо было бы узнать адрес, но, с другой стороны, какой от него прок? К адресу понадобилась бы и карта, а Дэнни понятия не имела, где взять ее и как в ней разобраться. Вот если бы она знала адрес да еще могла позволить себе поездку в кебе... но об этом не стоило и мечтать.

Выбитая из привычной среды, Дэнни представляла собой жалкое зрелище. Только теперь она поняла, как ей не хватает образования. Она была уже готова сдаться и прекратить поиски. Только злость гнала ее вперед.

Днем она прекрасно выпалась бы в тихом переулке, если бы не мучительный голод. Он разбудил ее раньше, чем рассчитывала Дэнни, к голоду вскоре прибавилась резкая мигрень, а следом нахлынуло отчаяние.

Надо найти работу, и как можно скорее. Если придется воровать, чтобы прокормиться, хуже уже некуда. А ей в кои-то веки представился шанс вырваться из грязи! Нельзя упустить его, скатившись на самое дно сточной канавы, к старым привычкам. Но отвыкать от них будет нелегко. Дэнни знала: однажды она уже пыталась.

Договорившись, что Люси прикроет ее, как-то раз Дэнни отправилась на поиски приличной работы. Вскоре она поняла, что ее недостатки – внешность и отсутствие хотя бы азов образования. Чтобы претендовать на мужскую работу, она должна была уметь читать и писать или же обладать недюжинной силой, которой у нее, разумеется, не было. Чтобы просить женскую работу, сначала следовало обзавестись женской одеждой. В любом случае Дэнни требовалось жилье и хоть немного денег, чтобы продержаться до первого жалованья.

Ей казалось, что одно решение она нашла. Горничным часто предлагали комнату и стол – прекрасные условия для человека, который вынужден начинать с нуля. В следующий раз, отправляясь на поиски работы, Дэнни одолжила у Люси платье и, к своему восторгу, получила место – всего на два часа. Дворецкий согласился взять в горничные миловидную девушку, но экономка уволила ее, едва увидев. Хозяева дома принадлежали к среднему классу и пытались подняться по общественной лестнице, а потому нанимали только вышколенных слуг. Во всяком случае, в услугах горничных, похожих на беспризорниц и потаскух, они не нуждались.

Этот случай так разочаровал и обескуражил Дэнни, что она не скоро решилась вновь поискать работу. А когда попыталась еще раз, ей просто не повезло.

Вспоминая свои многочисленные неудачи, она разозлилась. Беда была в том, что она искала работу раз пять в году. И не каждый день, потому что ей нечасто удавалось вырваться из дома одной. Но теперь у нее не было выбора, да и времени тоже. Работа нужна ей немедленно, сегодня же. А еще – хоть какая-нибудь еда. Дэнни нещадно бранила себя за глупость – за то, что не догадалась утаить от Даггера хоть несколько полученных от Мэлори купюр, но прекрасно понимала, что руганью сыт не будешь.

Одиночество пока ее не радовало. Дэнни уже давно поняла, как плохо быть одной. Она выросла в доме, полном детей. И хотела вернуться туда, но чтобы это были ее дети, а она воспитывала их как полагается. Для этого ей необходим муж – порядочный человек, скромный и усердный труженик. К этой цели она стремилась с давних пор, но признавала, что немногого добьется, пока ее принимают за мальчишку.

Конечно, хорошие мужья на улицах не валяются – их надо еще поискать. А чтобы поскорее утолить голод, необходима работа. Потом можно подумать и о муже.

С едой ей неожиданно повезло. Сквозь дыру в кармане сюртука за подкладку завалилось одно из колец, украденных у Хеддингса. Продать его Дэнни не решалась, опасаясь, что ее заподозрят в краже. Но она помнила, как много лет назад мисс Джейн выменяла на кольцо немного еды.

О мисс Джейн она давно не вспоминала – с тех пор как ей перестали сниться по ночам кошмары. Почему это случилось, она не знала. Страшные сны не давали ей покоя, сколько Дэнни помнила себя и мисс Джейн. В них повторялось одно и то же: кровь, вопли, а потом дубинка, которая обрушивалась ей на голову.

Но один сон, который повторялся нечасто, Дэнни любила за ощущение тепла и уюта. Ей снилась молодая незнакомая женщина, точнее, леди с серебристо-белокурыми волосами, как у самой Дэнни, уложенными в замысловатую прическу, как у дам на улицах. Эта красавица в элегантном наряде, похожая на ангела, гуляла по заросшему цветами лугу.

Люси считала, что это ангелы зовут Дэнни к себе, – ведь она должна была умереть еще много лет назад, а выжила. Люси, конечно, выдумщица. Но Дэнни тоже любила фантазировать, и ей порой казалось, что эта прекрасная дама – она сама в далеком будущем. И у нее в душе просыпалась надежда.

Сейчас надежда не помешала бы ей. За кольцо ей дали меньше фунта. Дэнни была разочарована, но больше ничего не смогла добиться от незнакомца, который твердил, что назначил хорошую цену.

В своих злоключениях она уже не раз обвинила молодого лорда. Не будь он таким надменным и самодовольным, он смирился бы с ее отказом и искал другого вора, а она вернулась бы домой, и ей не пришлось бы ломать голову, не зная, где раздобыть обед.

Этот человек у нее в долгу. Он обязан расплатиться с ней, иначе лорд Хеддингс узнает, куда исчезли его краденые драгоценности. Конечно, заходить так далеко Дэнни не собиралась, но в крайнем случае могла намекнуть, что Мэлори у нее в кулаке.

Покончив с обедом в маленьком ресторане, она поблагодарила официанта за еду и советы. Его недовольной гримасы она не заметила. А если бы и заметила, то не поняла бы, что он ждал чаевых. Порой невежество бывает блаженством, но чаще

– бедствием.

Раздраженный официант не оставил Дэнни в неведении. Проводив ее до двери, он закричал на всю улицу:

– Нищий ублюдок! И это после того, как я тебе помог! Да если бы я знал, я бы и рта не раскрыл!

Дэнни изумленно обернулась, не понимая, почему на нее кричат.

– О чем вы? Я же заплатил за еду.

– Ты что, полоумный? Думал, обслуживать тебя будут даром? Знал же я: таких, как ты, надо сразу гнать вшаей!

Таких, как она? Эти слова больно укололи Дэнни, у нее зарделись щеки. Она зашла в первый ресторан, какой попался ей по пути, не заметив, что очутилась в приличном районе, среди хорошо одетых горожан. На крики официанта быстро собралась толпа. Повсюду слышался сердитый ропот.

– Вор, это уж как пить дать.

– Проверь карманы: все ли у тебя цело?

– Лучше посмотрим, что у него в карманах.

– Я зашел просто пообедать, – торопливо объяснила Дэнни официанту. – И заплатил за еду. Если я заплатил мало, так бы и сказали. И нечего меня оскорблять.

Официант спохватился, понял, что погорячился, и помрачнел. Но вокруг собралось слишком много клиентов, чтобы на виду у всех извиняться перед каким-то мальчишкой.

– Ступай-ка лучше отсюда, – посоветовал он. – Здесь приличный район. Проваливай в свои трущобы.

Глава 10

Удаляясь от ресторана, Дэнни старалась идти с высоко поднятой головой, хотя для этого ей понадобилось собрать в кулак всю силу воли. Ее так и подмывало броситься бежать, но она не сомневалась, что в этом случае за ней погонятся: тот, кто убегает, всегда выглядит виноватым. И никому нет дела до того, что больше всего ей хочется забиться в какую-нибудь дыру и выплакаться, излить душевную боль и стыд.

С таким снобизмом она сталкивалась и раньше, когда пыталась искать работу. Не следовало принимать его близко к сердцу. Он означал только, что выбиться в люди и получить приличное место будет непросто.

Вытеснить из сердца обиду удалось не сразу, а когда удалось, она сменилась тревогой, потому что уже второй раз за два дня Дэнни казалось, что кто-то следует за ней по пятам и не сводит с нее глаз. Наверное, кто-то из толпы провожает ее – на всякий случай.

Но, оборачиваясь, Дэнни не замечала ничего необычного, никто за ней не гнался. Какой-то господин, похожий на лорда, входил в контору. Бежал посыльный. Неторопливо шествовала леди в сопровождении горничной, нагруженной свертками, несколько пар гуляли под руку, десятки горожан спешили по своим делам. Ощущение не проходило, но сколько Дэнни ни оглядывалась, ничего подозрительного не видела. Наверное, ей было просто не по себе на многолюдной улице.

Дэнни не выдержала, нырнула в какую-то лавку и, не обращая внимания на возмущенные окрики, пробежала через нее, выскочив в заднюю дверь. Еще минут десять она петляла между домами, и наконец ощущение исчезло. Если кто-то и преследовал ее, он наверняка отстал.

До Гросвенор-сквер было еще далеко. Дэнни добралась туда лишь к ночи. Уютные и тихие замусоренные переулки попадались ей все реже, зато стали часто встречаться парки – некоторые настолько огромные, что Дэнни уже забеспокоилась, не забрела ли она ненароком в лес за городом. Чтобы скоротать время до утра, она забилась в кусты и уснула.

С рассветом голод опять пробудился, а вместе с ним и злость. Осмотревшись, Дэнни поняла, что она в каком-то парке, в той части города, где никогда не бывала. Но почему-то парк показался ей знакомым, хотя накануне ночью она не успела разглядеть его в темноте. Вдоль дорожек стояли скамейки, над ними простирали ветви гигантский старый дуб, малыш распугивал стаю голубей и захлебывался счастливым смехом. Дэнни заморгала, и малыш исчез, словно его и не было. Воспоминания!

Потрясенная Дэнни замерла. Впервые к ней вернулись воспоминания о прошлом, в первый раз она очутилась там же, где бывала в раннем детстве. Неужели ее родители жили где-то поблизости? Или сюда они приезжали в гости? Неподалеку от парка Дэнни заметила вывеску гостиницы, рядом – несколько домов средней руки, а по другую сторону от парка виднелись роскошные особняки.

Она силилась вспомнить хоть что-нибудь еще, узнать знакомые места, но больше воспоминания не оживали, только разболелась голова. Нет, ее мучила не мигрень, а голод. Дэнни заторопилась, расспросила нескольких прохожих и наконец к середине утра вышла к дому Мэлори.

Да это же настоящий особняк! Обнесенный оградой, он стоял не в общем ряду домов, а сам по себе, был окружен лужайкой, клумбами и кустами. Ничего подобного Дэнни не ожидала. К таким домам она боялась даже приближаться, особенно после того, что случилось вчера в ресторане, поэтому просто стояла и ждала в надежде, что к дому подойдет кто-нибудь из слуг. И дождалась – женщину в форменном платье горничной, правда, слишком уж нарядном, но не таком, как у знатных леди. Набравшись храбрости, Дэнни окликнула ее.

– Добрый день, мэм. Не здесь ли живет красавчик Мэлори?

– Здесь живут богатые люди, голубчик, – приветливо отозвалась незнакомка. – Они все красавчики.

– Сколько же здесь лордов Мэлори?

– В этом доме – трое.

– А с черными волосами и...

– Нет, здесь только граф с двумя сыновьями, среди них черноволосых нет. Ты, наверное, ищешь его брата, сэра Энтони. У того дом на Пиккадилли. Или племянника Джереми. Вот у этих двоих волосы как вороново крыло.

– У меня для него пакет, – объяснила Дэнни, показывая коробку со своим любимцем, – придумать другого оправдания она так и не смогла. – Поручение мне дал такой молодой лорд лет двадцати пяти.

– Тогда это Джереми Мэлори. Он живет с отцом на Беркли-сквер.

Дэнни вспыхнула: чтобы узнать дорогу, ей снова приходилось лгать.

– Я в городе недавно. Вы не подскажете, где это – Беркли-сквер?

Женщина охотно объяснила ей, и Дэнни без труда отыскала названную площадь, которую в этот час заполняли пешеходы и экипажи, ждущие пассажиров у тротуара. Среди домов Дэнни сразу узнала тот, который искала. Он выглядел не так внушительно, как остальные. В поисках работы она убедилась, что безопаснее всего стучаться в богатые дома с черного хода.

Но и этот день выдался для Дэнни неудачным. Джереми здесь уже не жил: на прошлой неделе он переселился в собственный дом на Парк-лейн, по соседству с кузеном. Пока Дэнни всеми правдами и неправдами выводила адрес и дорогу, смешливая помощница кухарки отчаянно кокетничала с хорошеньким юношей.

Опять улицы, опять бесконечные блуждания. Проклятие! Никогда в жизни Дэнни не приходилось столько бродить по городу. Впрочем, улица, до которой она наконец доковыляла, ей понравилась, особенно потому, что по одну ее сторону раскинулся парк во всей летней красе. Но Дэнни потратила лишний час, пока кто-то не указал ей нужный дом. Поскольку Мэлори поселился здесь недавно, мало кто из слуг, попадавшихся на улице, знал, где он живет.

После всех этих приключений Дэнни уже не рассчитывала застать Мэлори дома. Скорее всего придется ждать до завтра, а то и до послезавтра. Значит, спать в парке еще одну ночь или две. Хорошо, что до парка рукой подать. Не надеясь на

удачу, Дэнни всеми силами сдерживала злость и досаду. Она еще успеет излить их на молодого лорда, когда снова увидит его, конечно, если вообще увидит.

Глава 11

Он был дома! Мало того, Дэнни пустили в парадную дверь!

Ей открыла молодая девушка, почти ее ровесница. Пухленькая, с пышными каштановыми волосами, она скользнула по Дэнни взглядом и сварливо предупредила:

– Подожди здесь, только смотри ничего не трогай, – и исчезла за ближайшей дверью.

Дэнни застыла столбом, не в силах поверить, что ее впустили в дом. Опомнившись, она попыталась пригладить ладонью взлохмаченную копну волос. Прежде Люси следила за ее волосами, сама коротко подстригала их. Правда, парикмахером Люси была никудышным, поэтому и стрижка выходила «лесенкой». Но Дэнни не дорожила волосами, тем более что под шляпой их никто не видел. Ей опять стало жалко шляпу.

Она не собиралась притрагиваться ни к чему. И даже не оглядывалась по сторонам – потому что вдруг заволновалась. Напрасно она это затеяла. Ведь она с первого взгляда поняла, что с Мэлори опасно иметь дело. Но в гневе она об этом забыла, а теперь, вспомнив, стояла как на иголках.

Самым мудрым решением было бы просто уйти. Но Дэнни остановило зеркало на стене возле двери. Не очень большое, оно висело над узким столиком, где на блюде лежали две карточки. Собственное отражение заворожило Дэнни.

Ей редко удавалось увидеть себя в зеркале. В домах, которые снимал Даггер, зеркал не водилось. На старых постоянных дворах, где Дэнни обворовывала постояльцев, зеркала были, но она не видела их в темноте. В этом зеркале она отразилась до пояса, и без потрепанной мужской шляпы сразу стало видно, как она хороша. Удивительно, что ее до сих пор все принимают за юношу! Как

удалось рваным штанам так преобразить ее, создать превратное впечатление? Впрочем, многих могла ввести в заблуждение ее плоская грудь.

Этого она смертельно боялась – что у нее вырастут громадные груди-дыни, какие она видела у некоторых женщин, и спрятать их будет невозможно. Но ей повезло. Грудь у нее была скромного размера, меньше среднего, и благодаря Люси Дэнни без труда скрывала ее под одеждой.

К счастью для нее, один из постоянных клиентов Люси, состоятельный господин, как-то раз забыл у нее корсет. Подружки посмеялись над мужчиной, носящим корсет, а потом Люси пришло в голову, что в ближайшие годы он пригодится Дэнни. Так и получилось. Только вместо того, чтобы стягивать корсетом талию, как и полагается, Дэнни носила корсет высоко на груди. И зашнуровывала не сзади, а спереди, чтобы ни у кого не просить помощи.

Корсет был жесткий, но отличного качества, обшитый такой мягкой тканью, что Дэнни почти не чувствовала его. И ее грудь под ним была совершенно незаметна. На всякий случай Дэнни сутулилась и казалась совершенно плоскогрудой, как любой юноша.

Шаги на лестнице напомнили Дэнни, что она решила никого не дожидаться, но медлила слишком долго, глаза на себя в зеркало. Обернувшись, чтобы посмотреть, кто идет, Дэнни одновременно схватилась за дверную ручку.

– Уходишь? – спросила горничная. – И правильно. Сейчас он тебя все равно не примет. У него гостя. Я и не видела, как они приехали, я редко бываю в комнатах. Нам не хватает прислуги, иначе дверь открыла бы не я.

Дэнни круто обернулась. Девушка явно была рада пожаловаться кому угодно. В ее голосе слышались ворчливые нотки.

– Вы горничная?

– Нет, горничной здесь пока нет, нет даже лакея, не говоря уже о дворецком. Я служу на кухне. Ну, ступай. И приходи сегодня попозже. К тому времени гостя наверняка уедет.

Дэнни хотела было последовать совету, но у нее заурчало в животе. Слоняться по городу, умирая от голода, еще несколько часов, пока Мэлори коротает время в постели? Черта с два!

– Если позволите, я подожду здесь. Я по важному делу, мне надо увидеть его как можно скорее.

– Как хочешь. Можешь пройти в гостиную. Или оставайся здесь. Но посидеть не рассчитывай. В доме успели обставить только несколько комнат.

И девушка ушла в глубину дома. Дэнни не шелохнулась, изумленная словами, слетевшими с ее собственного языка. Как давно она не говорила вежливо и правильно! Люси твердила, что с такими разговорами в шайке не выживешь. И Дэнни прислушивалась к ее словам, перенимала их и вскоре сама выучилась уличному языку.

Но внезапно он показался ей чужим. Почему она вдруг заговорила правильно и вежливо, отчетливо выговаривая слова? Потому, что оказалась в богатом доме? Послушала, как жалуется служанка? Очевидно, потому девушка и разговорилась с ней и не побоялась оставить в доме одну.

А что до Мэлори, она даст ему ровно десять минут на все его забавы. За последние два дня она слишком изголодалась, чтобы ждать дольше – даже надменного молодого лорда.

Глава 12

– Я была приятно удивлена, встретив вас так рано утром, – призналась Мэри Калл, томно раскинувшись в кресле возле кровати Джереми. – Такая неожиданность! Я думала, вы, молодые распутники, спите дни напролет, чтобы бодрствовать всю ночь в поисках удовольствий!

Джереми улыбался леди, стоя на коленях у ее ног и снимая с нее туфельки. Мэри была еще довольно молодой вдовушкой, самой младшей из всех, каких доводилось обольщать Джереми. Старый лорд Калл скончался в первую брачную

ночь. Свет решил, что для старика затея со свадьбой была чересчур рискованной.

Мэри никто не называл бы красавицей, но она была довольно мила, эта волоокая голубоглазая шатенка. Искусством любви она владела в совершенстве и с недавних пор постоянно принимала у себя джентльменов. Джереми не принадлежал к ее «свите», хотя трижды удостоивался приглашения в гости и ни разу не пожалел о том, что принял его. Сегодня, когда он столкнулся с Мэри, до его дома было ближе, чем до ее особняка, к тому же у Джереми имелся прекрасный предлог – желание показать близкой знакомой новое обиталище. Разумеется, долго бродить по комнатам они не стали и сразу поднялись в спальню.

– Сегодня я встречался с дядей Эдвардом по делу, – объяснил Джереми.

– По семейному?

– Нет, видите ли, я управляю семейными вложениями капитала, в том числе и собственными.

Мэри удивленно вскинула брови.

– Вы? Управляете вложениями? Да вы шутите!

– Отнюдь. Это занятие мне по душе. Впрочем, о том, чтобы самому искать, куда вложить средства, я и не мечтаю. У моего дяди талант выбирать только победителей.

– Вы меня изумляете, Джереми. Вы же самый красивый мужчина в столице, и вам это известно, не скромничайте! Ваша семья баснословно богата. Как и многим молодым наследникам, вам незачем работать. Так с чего вам вздумалось утруждать себя?

– Прикусите язычок, дорогая: для меня это не работа, а развлечение. Разница огромная, вы не находите?

– Сказать по правде, нет. – Мэри усмехнулась. – Но если вам по вкусу такие удовольствия...

Даме, желающей продолжить приятную беседу, ни в коем случае не следовало говорить подобные вещи такому известному сластолюбцу, как Джереми Мэлори. Выражение его лица мгновенно стало чувственным, пальцы забрались под юбку. У Мэри затрепетало сердце. Но, переведя жаждущий взгляд на постель, она нахмурилась:

– Слишком уж здесь все... по-холостяцки. Есть такое слово, дорогой? Впрочем, не важно. – Томный вздох. – Лучше бы мы отправились ко мне! В собственной спальне я чувствую себя гораздо уютнее.

Между тем ее юбки были подняты выше колен. Взявшись обеими руками за бедра гостьи, Джереми придвинул ее к себе, почти уложив на кресло, и она обвила ногами его талию.

– А вы представьте, что это и есть ваша постель.

Она рассмеялась:

– Между моей постелью и этим креслом нет ни малейшего сходства, и вам это известно! Где же атласные простыни, пышные подушки, пуховые одеяла – все, благодаря чему постель не хочется покидать? А ваша кровать – настоящее ложе холостяка!

– Но вы же еще не успели опробовать ее в деле! Клянусь, вы об этом не пожалеете.

Хриплый от страсти голос Джереми прозвучал так убедительно, что Мэри поддалась искушению прижать его голову к своей груди. Именно в этот момент в дверь заколотили и кто-то закричал:

– Приведите-ка себя в порядок, приятель, я уже иду!

По другую сторону двери томилась Дэнни. Она дала Мэлори не десять, а целых двадцать минут – так она считала, поскольку часов у нее не было. Если он и

вправду принадлежит к породе мужчин, которых так расхваливала Люси, значит, способен провести в постели с женщиной целый день, а ждать так долго Дэнни не могла и не желала. Поэтому она не выдержала, поднялась наверх, заглянула во все комнаты по очереди и, наконец, набрела на дверь, из-за которой доносились голоса.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась. На пороге стоял Мэлори, недовольство которого мгновенно сменилось изумлением, как только он узнал гостью.

– Ты?!

– А кто еще! – отозвалась Дэнни, которая от злости снова заговорила по-уличному, глотая слоги.

Мэлори нахмурился.

– И какого же черта ты здесь делаешь?

– Спровадьте свою девку, тогда и поговорим.

Только теперь Джереми вспомнил о том, что в комнате за его спиной находится леди. Оскорбившись, что ее называли девкой, Мэри одернула юбки и уже оглядывалась в поисках ридикюля. Подхватив его с пола, она решительно двинулась к двери.

– Вам незачем уходить, Мэри, – попытался остановить ее Джереми. – Это ненадолго.

– Ничего, дорогой, – на ходу бросила она, потрепав его по щеке, чтобы заверить, что прерванное свидание ничуть не огорчило ее. – Приходите ко мне попозже – там нам никто не помешает.

Метнув последний гневный взгляд на Дэнни, леди удалилась. Джереми в досаде пригладил волосы, вернулся в комнату и направился к каминной полке, на которой стояли бутылка бренди и два стакана. Дэнни последовала было за ним, но застыла как вкопанная, увидев кровать. О чем она только думала? Знай она,

что за дверью спальня Мэлори, ей и в голову не пришло бы врываться сюда.

– Я подожду внизу, – смущенно пробормотала она, направляясь к двери.

– Черта с два! – Увидев, что Дэнни не остановилась, Джереми добавил: – Не заставляй удерживать тебя силой. А вдруг мне понравится?

Как он и ожидал, Дэнни сразу замерла. Застыла неподвижно, как каменная. А если на этот раз сбежать от него не удастся?

Словно прочитав ее мысли, Джереми предостерегающе добавил:

– Ты и до коридора добежать не успеешь – можешь мне поверить. Так что закрой дверь и объясни, зачем ты сюда явился.

Закрывать дверь Дэнни не стала, но обернулась. К счастью, Джереми остался на месте – даже отошел к дальней стене комнаты, прислонился к ней рядом с камином, сложил руки на груди, скрестил ноги – словом, принял ту же непринужденную позу, что и в таверне. Впечатление безмятежности было обманчивым. Как и в ту ночь, Джереми был напряжен словно струна. Он приподнял густую бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

От англ. carry away – увозить.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhoanna-lindsey/vlyublennyy-povesa-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)